

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 11, № 1
2024

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 11, № 1
2024

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 11, № 1
2024

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 11, № 1
2024

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплексных теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджей Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карипов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнглод**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.03.2024
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrei G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrei V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology "Soyuzvodproekt", Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis "The Centre of regional research"
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaja str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.03.2024
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© "Post-Soviet Issues". All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов.....8

Сергей С. Жильцов

Китай как «системный вызов» стратегическим интересам НАТО..... 20

Ольга А. Тимакова

Гуманитарная политика России: проблемы и решения.....33

Алексей В. Борисов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

**Этническая фракционализация и неравенство доходов:
на примере Казахстана..... 45**

Вячеслав Ю. Додонов

Развитие интеграции Союзного государства на современном этапе..... 61

Андрей Н. Захаров

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

**Внешнеполитические аспекты деятельности
Государственной Думы Российской Федерации I созыва
(к 30-летию со дня начала работы).....71**

Петр И. Пашковский

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

**Организация и деятельность чрезвычайных учреждений в Крыму
в 1921 году в условиях геополитической напряжённости.....83**

Андрей В. Ишин

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Policy of Western States in Central Asia: The Role of Rare-Earth Metals.....	8
---	----------

Sergey S. Zhiltsov

China as a ‘systemic challenge’ for NATO strategic interests.....	20
--	-----------

Olga A. Timakova

Russian humanitarian policy: problems and solutions.....	33
---	-----------

Alexey V. Borisov

ECONOMY

Ethnic fractionalization and income inequality: the case of Kazakhstan.....	45
--	-----------

Vyacheslav Yu. Dodonov

The development of the integration of the Union State at the present stage.....	61
--	-----------

Andrey N. Zakharov

POLITICS

Foreign Policy Aspects of the Activities of the State Duma of the Russian Federation of the First Convocation (on the 30th Anniversary of the Start of Work).....	71
--	-----------

Petr I. Pashkovsky

HISTORY AND RELIGION

Organization and activities of emergency institutions in Crimea in 1921 in conditions of geopolitical tension.....	83
---	-----------

Andrey V. Ishin

Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: После распада СССР политика Запада в отношении стран Центральной Азии концентрировалась на вопросах, связанных с расширением торгово-экономических отношений, получением доступа к углеводородным ресурсам центральноазиатским государствам и организации надежного их экспорта на внешние рынки. В последние годы, в связи с изменениями в технологическом развитии, у стран Запада возрос интерес к месторождениям редкоземельных металлов. Контроль за разведанными и перспективными месторождениями разворачивается в разных регионах мира. Одним из перспективных регионов, на территории которого находятся значительные запасы редкоземельных металлов является Центральная Азия. По этой причине в последние несколько лет США, ЕС, Великобритания и другие страны стали проявлять к региону повышенный интерес. Запад проводит в отношении центральноазиатских государств активную политику, которая направлена не столько на развитие стран региона, сколько на расширение своего присутствия, переориентацию внешнеполитического курса стран региона на интересы внерегиональных акторов. Конечной целью западных государств является получение контроля над месторождениями редкоземельных металлов, которые находятся в Центральной Азии. В статье рассматриваются основные направления политики западных государств в отношении Центральной Азии, анализ механизмов, которые они используют для продвижения своих интересов при получении доступа к перспективным месторождениям редкоземельных металлов. При этом страны региона в целом приветствуют политику Запада, считая, что это привлечет дополнительные инвестиции в их экономики. В свою очередь, западные государства и компании, которые они поддерживают, оказывают давление на страны Центральной Азии, добиваясь наиболее выгодных для себя условий при разработке месторождений и контроле над получаемыми ресурсами. В статье сделан вывод, что в Центральной Азии разворачивается борьба между западными государствами, с одной стороны и Россией и Китаем за доступ и контроль над месторождениями редкоземельных металлов.

Ключевые слова: Центральная Азия, США, ЕС, Великобритания, редкоземельные металлы, Россия, Китай

Для цитирования: Жильцов С.С. Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):8–19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-8-19>

Поступила 12.03.2024

Принята в печать 23.03.2024

Опубликована 30.03.2024

Policy of Western States in Central Asia: The Role of Rare-Earth Metals

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: After the collapse of the USSR, the policy of the Western states towards Central Asia was focused on the issues linked to the expansion of trade and economic relations, gaining access to hydrocarbon resources of the regional countries and organizing their reliable export to foreign markets. In recent years, due to changes in technological development, the Western countries have increased their interest in rare-earth metals. Competition aimed at getting control over explored and prospective deposits is unfolding in different regions of the world. One of the promising areas with significant reserves of rare-earth metals is Central Asia. For this reason, in the last few years the USA, the EU, Great Britain and other countries have become increasingly interested in the region. The West is pursuing an active policy course towards Central Asian states. Such an approach is aimed not so much at developing the countries of the area as at expanding the presence of the West and reorienting the foreign policy course of the regional states towards the interests of non-regional actors. The ultimate goal of the Western states is to gain control over the deposits of rare-earth metals, which are located in Central Asia. The article covers the main directions of the policy the Western states apply in the region and underscores the mechanisms they use to promote their interests in gaining access to promising deposits of rare-earth metals. At the same time, the countries of the region generally welcome the Western policy, believing that it will attract additional investments into their economies. In turn, some influential and rich Western states along with companies they support exert pressure on Central Asian countries, seeking the most favorable conditions for themselves in the development of deposits and control over the resulting resources. The article concludes that Russia and China are competing with the Western states in Central Asia for getting access and gaining control over the deposits of rare-earth metals.

Keywords: Central Asia, USA, EU, UK, rare-earth metals, Russia, China

For citation: Zhiltsov S.S. Policy of Western States in Central Asia: The Role of Rare-Earth Metals. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):8-19. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-8-19>

Received 12.03.2024

Revised 23.03.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении нескольких десятилетий западные государства проявляли повышенный интерес к странам Центральной Азии. В фокусе политики США и ЕС находились природные ресурсы, которые привлекали повышенное внимание. В последнее время, в связи с развитием новых технологий, Брюссель и Вашингтон стали уделять повышенное внимание месторождениям редкоземельных металлов, которые расположены на территории стран Центральной Азии. В последние годы редкоземельные элементы используются во многих сферах. От них зависят многие «зеленые» технологии, такие как «гибридные» электромобили, энергия ветра, энергосберегающие лампочки, биотопливо и т. д.» [1].

Запад стремится получить доступ к полезным ископаемым в Центральной Азии с целью их последующей разработки. В этом направлении западные страны стали проводить активную политику, формируя условия доступа к наиболее перспективным месторождениям редкоземельных металлов, их разработки и последующего вывоза за пределы Центральной Азии.

Фактически на территории стран Центральной Азии уже развернулось острое соперничество между основными потребителями этого стратегически важного ресурса, к которому относятся редкоземельные металлы. Россия, Китай, Запад заинтересованы контролировать редкоземельные металлы, которые уже в ближайшем будущем превратятся в мощнейший инструмент влияния на внешнюю политику других государств и будут создавать серьезные преимущества в экономическом развитии.

Активность Запада вызывает определенную обеспокоенность в Китае и России. Пекин занимает лидирующие позиции

в мире в добыче редкоземельных металлов и хотел бы их сохранить в будущем. Так, «в последние 10–12 лет рынок редкоземельных минералов и химических продуктов на их основе контролируется Китаем. Производство в США в последние годы значительно снизилось. В итоге, за Китаем сохраняются позиции основного поставщика редкоземельных минералов на мировом рынке (около 95 %). Фактически Китай монополизировал рынок, ведя жесткую маркетинговую политику» [2]. В результате «Китай полностью контролирует горнодобывающую деятельность, технологии обогащения и металлургию, а также конечные продукты из редкоземельных металлов, что приводит как к Европе, так и к США в полной промышленной зависимости» [3].

Данная ситуация отвечает интересам китайской стороны. По этой причине попытки западных государств усилить свои позиции в этой области в Центральной Азии негативно воспринимаются Пекином, который уделяет центральноазиатским государствам повышенное внимание. Соответственно, западные страны в Центральной Азии рассматриваются китайской стороной в качестве конкурентов.

ИНИЦИАТИВЫ ЗАПАДА

Активность Запада в сфере доступа и контроля над редкоземельными металлами в Центральной Азии является отражением геополитического обострения в мировой политике и мировой экономике, что наблюдается в последнее десятилетие. Экономическое столкновение между Западом, Китаем и Россией вылилось в усиление санкционной политики и введения в одностороннем порядке экономических ограничений. Данная ситуация подталкивает Запад искать пути для снижения своей зависимости

от поставок редкоземельных металлов, прежде всего, из Китая и России.

США, которые стали проводить активную политику, недовольны деятельностью Китая, который приобрел лицензии на многие месторождения редкоземельных металлов в Таджикистане и Киргизии. В планах американских компаний и стоящих за ними государственных структур, расширить свое присутствие в Казахстане.

Обеспокоенность Запада вызывают действия России и Китая, которые в ответ на санкционные ограничения, частично сократили поставки редкоземельных металлов в США и ЕС. Подобное развитие ситуации подталкивает западные страны пытаться снизить зависимость от Китая и России от поставок редкоземельных металлов.

Еще в 2020 году ЕС стал уделять повышенное внимание критическим металлам. Усиление внимания к этому виду сырья было продиктовано стратегическими интересами ЕС, который продвигал курс на развитие «зеленой экономики» и одновременно рассчитывали упрочить свои позиции в производстве технологической продукции. Для этого необходимо было получить в свое распоряжение критически важные материалы, к которым и относились редкоземельные металлы. В 2020 году ЕС разработал документ «Устойчивость критически важного сырья: прокладывая путь к большей безопасности

и устойчивости»¹. В этом документе подчеркивалось, что «критически важное сырье имеет важное значение для функционирования промышленности. Доступ к ресурсам является стратегическим вопросом безопасности для реализации амбиций Европы по обеспечению «зеленой» политики»². Помимо этого, подчеркивалось, что «переход Европы к климатической нейтральности может заменить сегодняшнюю зависимость от ископаемого топлива и сырья, многие из которых мы получаем из-за границы и за которые глобальная конкуренция становится все более жесткой»³. Таким образом, в рамках экономической политики, направленной на укрепление позиций, ЕС усилил внимание к критически важным материалам.

США также уделяли редкоземельным металлам повышенное внимание. Для расширения своего влияния в странах Центральной Азии в сфере редкоземельных металлов, еще в 2022 году США выдвинули инициативу «Партнерство по безопасности минеральных ресурсов»⁴. Инициатива была направлена на обеспечение стабильных поставок ключевых полезных ископаемых, в том числе и редкоземельных металлов. Как было заявлено, «цель партнерства — обеспечение того, чтобы важнейшие ископаемые производились, обрабатывались и перерабатывались так, чтобы страны могли в полной мере получать экономическую

¹ Critical Raw Materials Resilience: Charting a Path towards greater Security and Sustainability. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 3.9.2020. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0474> (дата обращения: 23.12.2023)

² Там же

³ European Critical Raw Materials Act. Brussels. Regulation of the European Parliament and of the Council, 16.3.2023. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:903d35cc-c4a2-11ed-a05c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 23.12.2023)

⁴ Minerals Security Partnership <https://www.state.gov/minerals-security-partnership/> (дата обращения: 23.12.2023)

выгоду от своей геологической деятельности»⁵. Чтобы добиться результатов, США намеревались привлечь к решению этой задачи Великобританию, Германию, Финляндию, Францию, Швецию, Южную Корею и Европейскую комиссию⁶.

В 2023 году американская сторона сохраняла повышенный интерес к редкоземельным металлам, которые находятся в странах Центральной Азии. Их востребованность для США определялась опасениями попасть в зависимость от Китая, который также стремился расширить доступ к месторождениям редкоземельных металлов в различных регионах мира.

Активность США в этом вопросе побудила европейские страны также усилить внимание к редкоземельным металлам. В 2023 году ЕС принял закон «О критических сырьевых материалах»⁷. Принятый закон был направлен на расширение доступа к месторождениям этого стратегического вида сырья и создание условий, которые бы позволили снизить риск сбоев поставок редкоземельных металлов. В отличие от других флагманских законов «Зеленого курса», которые были предметом ожесточенных политических баталий, «CRMA пользовался широкой поддержкой со всех сторон политического спектра»⁸. «Существовал широко распространенный консенсус в отношении необходимости обеспечить поставки в Европу важнейших полезных ископаемых для климатического

перехода посредством финансовой поддержки и благоприятного регулирования. Это придало горнодобывающей промышленности новую ауру респектабельности, которая по своей природе является грязной и генерирует огромное количество парниковых газов»⁹.

В марте 2023 года «президент Байден и президент Европейской комиссии фон дер Ляйен объявили, что Соединенные Штаты и Европейский Союз (ЕС) стремятся «немедленно начать переговоры по целенаправленным критическим вопросам», связанным с соглашением о полезных ископаемых [4]. Таким образом, США и ЕС попытались активизировать свою политику на центральноазиатском направлении, формируя долгосрочные задачи по вопросам доступа и контроля над редкоземельными металлами.

В связи с поставленными задачами Запад активизировал усилия по поиску месторождений редкоземельных металлов в Центральной Азии, которая стала рассматриваться в качестве перспективного региона. В то же время, в отношении каждой из стран Центральной Азии западные страны выстраивали собственную стратегию. Основные усилия ЕС и США были направлены на развитие отношений с такими странами как Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Одним из перспективных считался Казахстан, в отношении которого США

⁵ США и союзники договорились о партнерстве в сфере полезных ископаемых. 14.06.2022. <https://ria.ru/20220614/ssha-1795322363.html?ysclid=lwly2p9l27800979397> (дата обращения: 17.01.2024)

⁶ Там же

⁷ European Critical Raw Materials Act. Brussels. Regulation of the European Parliament and of the Council, 16.3.2023. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:903d35cc-c4a2-11ed-a05c-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 23.12.2023)

⁸ Petitjean O., Verheecke L. Blood on the Green Deal. November 2023. <https://corporateeurope.org/sites/default/files/2023-11/CRM%20english%20final%20%281%29.pdf> (дата обращения: 18.12.2023)

⁹ Там же

проводили активную политику. В 2022 году было проведено первое заседание Рабочей группы по торгово-экономическому сотрудничеству в сфере редкоземельных металлов между Республикой Казахстан и Соединенными Штатами Америки¹⁰. В ходе встречи «обсуждалась возможность сотрудничества казахстанского и американского бизнеса в сфере добычи и переработки редкоземельных металлов в Казахстане»¹¹.

В 2023 году между Казахстаном и США был подписан меморандум¹², в котором зафиксировано, что «стороны обсудили вопросы развития долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере геологического изучения недр»¹³.

Пока компания осуществляет первые шаги, которые направлены на уточнение имеющихся запасов и уточнение объема необходимых инвестиций. Кроме того, с руководством Казахстана обсуждаются вопросы получения доступа к литиевым месторождениям. Для этого необходимо осуществить реконструкцию

Иртышского химико-металлургического завода¹⁴.

От США и ЕС стремится не отставать Великобритания. В 2023 года Казахстан и Великобритания подписали Меморандум о партнерстве в области минерального сырья¹⁵. «Казахстан готов нарастить экспорт продукции в Великобританию, включая развитие экологически чистого водорода и важнейшего минерального сырья»¹⁶.

В марте 2024 года Казахстан и Великобритания «подписали Дорожную карту сотрудничества в области критически важных полезных ископаемых. Эта инициатива предполагала создание совместных предприятий на территории Казахстана. Активную работу ведет компания «Ferro-Alloy», которая работает под патронатом Лондона. Она ведет разработку месторождения ванадиевых руд Бала-Саускандык в Кызылординской области¹⁷. Подтвержденные запасы этого уникального месторождения оцениваются в 70 млн. тонн¹⁸. Компания уже запустила пилотный проект по производству

¹⁰ Состоялось первое заседание Рабочей группы по торгово-экономическому сотрудничеству в сфере редкоземельных металлов между РК и США. 23 июня 2022. <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/392173?lang=ru&ysclid=lwoexjlig8504231185> (дата обращения: 12.12.2023)

¹¹ Там же

¹² Макаров А. Казахстан и США подписали меморандум в области геологического изучения недр. 1 марта 2023. <https://bizmedia.kz/2023-03-01-v-oblasti-geologicheskogo-izucheniya-ne-dr-ssha-i-kazahstan-podpisali-memorandum/?ysclid=lwoez28xzt720507528> (дата обращения: 18.12.2023)

¹³ Там же

¹⁴ Сериков Д. Месторождение редких металлов планируют доработать в Восточном Казахстане. 2023. 24 февраля. <https://inbusiness.kz/ru/news/mestorozhdenie-redkih-metallov-planiruyut-dorabotat-v-vostochnom-kazahstane> (дата обращения: 18.12.2023)

¹⁵ Макаров А. Меморандум о партнерстве в области минерального сырья был подписан Казахстаном и Великобританией. 2023. 18 марта. <https://bizmedia.kz/2023-03-18-memorandum-o-partnerstve-v-oblasti-mineralnogo-syrya-byl-podpisan-kazahstanom-i-velikobritaniej/?ysclid=lwof13uvn8347181826> (дата обращения: 28.12.2023)

¹⁶ Там же

¹⁷ Разработка месторождения Бала-Саускандык <https://ferro-alloy.com/ru/project/balasausqandiq-deposit/> (дата обращения: 18.12.2023)

¹⁸ Казахстанский производитель успешно вышел на Лондонскую биржу. 05.04.2018. <https://aspandau.kz/inthemediastpost/8lbk3r7xt8-kazahstanskii-proizvoditel-usheshno-vish> (дата обращения: 12.11.2023)

пентоксида ванадия, который используется для получения ванадиевых соединений и сплавов.

Американская компания «Maritime House» подписала соглашение с казахстанским производителем редких металлов «Жезказганредмет» о производстве и привлечение технологий по развитию редкоземельной металлургии¹⁹.

Помимо компаний из ЕС и США на центрально-азиатском рынке редкоземельных металлов действуют компании из других государств. Так, еще в феврале 2021 года сингапурская компания «Neon Mining» заключила партнерское соглашение с канадской горнодобывающей компанией Stans Energy Corp с целью расширения сектора добычи редкоземельных минералов в Киргизии (ссылка). В последние годы компания вложила десятки миллионов долларов в геологоразведку. В планах компании продолжить изучения месторождений редкоземельных металлов. Также западные компании проявляют интерес к месторождениям иттрия.

ПОЗИЦИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Страны Центральной Азии позитивно воспринимали активность западных государств, рассчитывая таким образом укрепить политические отношения и привлечь дополнительные инвестиции. Так, первоначально конкурс на разработку

месторождений Кутессай II и Калесай выиграла казахская компания. Однако впоследствии, киргизская сторона скорректировала свою позицию, рассчитывая привлекать зарубежных инвесторов к разработке месторождения редкоземельных металлов «Кутессай-II» и к месторождению бериллия «Калесай»²⁰. Для этого месторождения должны быть выведены из состава государственного парка «Чон-Кемин»²¹. Стоимость месторождений оценивается в 22 млрд. долларов²².

В приходе западных компаний в страну были заинтересованы в Узбекистане. На территории страны находится много месторождений редкоземельных полезных ископаемых, которые представляют значительный интерес для зарубежных компаний. Официальный Ташкент делает ставку на развитие сотрудничества в этой сфере с Турцией и Южной Кореей. В частности, турецкие компании получили права на проведение геологоразведочных работ в Хуробском районе с целью поиска месторождений золота и редкоземельных металлов²³. Активно развиваются отношения узбекской стороны с Южной Кореей. С этой страной была достигнута договоренность о создании первого в Центральной Азии исследовательского центра редкоземельных металлов.

Алмалыкский горно-металлургический комбинат (АГМК) открыл единственный

¹⁹ Мамышев Ж. Предприятие МИИР планирует определиться с проектом по выпуску редкого металла с британской компанией до конца года. 2023. 5 июля. <https://kz.kursiv.media/2023-07-05/zhnb-zhezkazganredmetreniummaritime/?ysclid=ijwlzso6fs605932770> (дата обращения: 08.01.2024)

²⁰ Власти хотят вывести из состава нацпарка «Чон-Кемин» два месторождения. 2024 10 марта. <https://ru.sputnik.kg/20240310/kutessaj-kalesaj-granicy-chon-kemin-1083306314.html> (дата обращения: 10.03.2024)

²¹ Там же

²² Канадцы намерены судиться с Кыргызстаном за месторождение. 13.02. 2014. <https://kapital.kz/world/26777/kanatdy-namereny-sudit-sya-s-kyrgyzstanom-za-mestorozhdeniye.html> (дата обращения: 11.12.2023)

²³ Турция проведет геологоразведку золота и редкоземельных металлов в Узбекистане. 2018. 1 мая. <https://podrobno.uz/cat/economic/turtsiya-provedet-geologorazvedku-zolota-i-redkozemelnykh-metallorov-v-uzbekistane/> (дата обращения: 05.12.2023)

в Центральной Азии Центр по изучению редкоземельных металлов. «Он был создан при поддержке передовых исследовательских институтов Южной Кореи на территории бывшего Узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов, вошедшего в состав Алмалыкского горно-металлургического комбината (АГМК) в 2016 году»²⁴.

В разработку редкоземельных металлов Узбекистан рассчитывает привлечь сотни миллионов долларов. Прежде всего, это касается геологоразведки и разработки месторождений редкоземельных металлов. Ускорить привлечение иностранных инвестиций в разработку месторождений редкоземельных металлов должна программа по редкоземельным металлам, которая должна быть разработана в текущем году.

В реализации месторождений редкоземельных металлов заинтересована казахская сторона. Еще в феврале 2021 года в Казахстане планировали разработать «программу развития отечественных поставщиков товаров, работ и услуг вокруг крупных горно-металлургических предприятий, дорожная карта развития редких и редкоземельных металлов на 2021-2025 годы»²⁵. Этот документ был принят. В частности, по словам заместителя председателя Комитета геологии РК Ерлана

Галиева «в дорожной карте по расширению ресурсной базы и организации производства редких и редкоземельных металлов на 2021–2025 годы предусмотрены конкретные меры по технологии добычи и переработки лития на базе существующих казахстанских производств»²⁶.

В 2023 году в Казахстане Министерство промышленности и строительства разработало Комплексный план развития отрасли редких и редкоземельных металлов Республики Казахстан на 2024–2028 годы²⁷. «Основные направления этого плана включают увеличение ресурсной базы, внедрение комплексных методов добычи редких металлов, модернизацию существующих производств, создание стандартов для регулирования отрасли и снятие ограничений по некоторым металлам»²⁸.

В результате, принятия программ развития и активности западных компаний, многие месторождения постепенно переходят под контроль Запада. В Карагандинской области месторождения редкоземельных металлов «Бейнеу-Шаштырское и Джалинды-Санжарское, а также Павловское и Гремячее в Восточно-Казахстанской области перешли под контроль американской компании “Cove Capital”»²⁹. В целом, по оценкам казахстанской стороны,

²⁴ Узбекистан первым в Центральной Азии начнет изучать редкие металлы. 2019 25 апреля. <https://uz.sputniknews.ru/20190425/Uzbekistan-pervym-v-Tsentralnoy-Azii-nachnet-izuchat-redkozemelnye-metally-11350460.html?ysclid=lwk94s599m682921885> (дата обращения: 17.01.2024)

²⁵ Каримова Д. Привлекать инвестиции в Казахстан будут по-новому. 2021 26 февраля. <https://ism.kz/karta> (дата обращения: 16.01.2024)

²⁶ <https://kz.kursiv.media/2022-06-08/kazakhstan-vydelil-457-mln-tenge-na-poisk-mestorozhdenij-litiya/?ysclid=lwjl2n5wb9939764459> (дата обращения: 18.02.2024)

²⁷ Макаров А. Казахстан разработал пятилетний план развития редких и редкоземельных металлов. 2023. 30 октября. <https://bizmedia.kz/2023-10-30-kazakhstan-razrabotal-pyatiletnij-plan-razvitiya-redkih-i-redkozemelnyh-metallov/?ysclid=lwjkp4tkpb308033489> (дата обращения: 16.01.2024)

²⁸ Там же

²⁹ Данилевский Д. Раздача природных богатств Казахстана иностранцам продолжается. 15 сентября 2023. <https://flashpress.kz/blog/flash/178372.html> (дата обращения: 15.01.2024)

запасы стратегических материалов оцениваются в 46 млрд. долларов³⁰.

Основное внимание западные компании сосредоточили на месторождениях, которые уже разведаны или в отношении которых имеются предварительные оценки. В тоже время, Вашингтон и Брюссель проявляют повышенный интерес перспективным месторождениям редкоземельных металлов в Казахстане. Активно в этом направлении действуют немецкие компании. Так, «немецкая компания «Bergbau» намерена вложить порядка 700 млн. долларов в добычу лития»³¹. Инвестиции будут осуществляться после установления окончательного контроля над двумя месторождениями. Сделка заключена через подписание соглашения о разделе продукции. «Речь идет о добыче лития, однако возможность производства литий-ионных батарей будет зависеть от запасов месторождений»³². В целом, «казахстанское ТОО «Creada Corporation» и германская HMS Bergbau AG договорились об инвестициях и развитии проекта по разведке, добыче и переработке комплексных редкометаллических руд в Восточном Казахстане. Планируемая стоимость проекта составит 200 млн долларов»³³. Это может произойти в случае успешной геологоразведки.

Всего, проекты Германии и Казахстана оцениваются почти в 2 млрд. долларов³⁴.

Последующее сотрудничество двух стран будет опираться на предоставление льгот для немецкого бизнеса. В частности, «резидентам из Германии предоставят преференции в виде налоговых льгот и субсидий. Также они получают земельные участки с готовой инфраструктурой для ведения бизнеса. Основные сферы сотрудничества – строительство, энергетика, торговля и АПК»³⁵.

УСЛОВИЯ ДЛЯ ЗАПАДНЫХ КОМПАНИЙ

Страны Центральной Азии в целом предлагают зарубежным инвесторам схожие условия участия в разработке месторождений редкоземельных металлов. Казахстан, Киргизия и Таджикистан занимают более гибкие позиции в отношениях с западными компаниями. Они активно используют закон о соглашении о разделе продукции, а также действуют через создание консорциумов.

С целью привлечения зарубежных компаний, страны Центральной Азии вносят изменения в законы, регулирующие доступ к недрам и процесс недропользования. В частности, в Казахстане были внесены изменения в закон «О недрах и недропользовании», которым «американским, британским и европейским компаниям предоставлены эксклюзивные права на недропользование при обнаружении месторождений»³⁶. Подобные изменения,

³⁰ Там же

³¹ Германская HMS Bergbau намерена вложить \$700 млн в добычу лития в Казахстане. 4 июля 2023. <https://kapital.kz/economic/117156/germanskaya-hms-bergbau-namerena-vlozhit-700-mln-v-dobychu-litiya-v-kazakhstane.html> (дата обращения: 18.02.2024)

³² Там же

³³ Там же

³⁴ Казахстан и Германия реализовали проекты на 2 млрд евро. 22 января 2020. <https://inbusiness.kz/ru/last/kazahstan-i-germaniya-realizovali-proekty-na-2-mlrd-evro> (дата обращения: 21.01.2024)

³⁵ Там же

³⁶ Запад на глазах захватывает недра и умы жителей Казахстана. 2023. 19 июля. <https://www.politnavigator.net/zapad-na-glazah-zakhvatyvaet-nedra-i-umy-zhitelej-kazakhstana.html> (дата обращения: 28.12.2023)

на которые идут страны Центральной Азии, направлена на повышение инвестиционной привлекательности месторождений и создание благоприятных условий защиты вкладываемых средств западными компаниями. При этом, подобные изменения происходят на фоне активизации визитов представителей США и ЕС, а также обсуждения данных вопросов на различных международных форумах.

В свою очередь, центральноазиатские государства демонстрируют готовность учитывать интересы западных государств и их компаний. Страны Центральной Азии предоставляют зарубежным компаниям льготные условия доступа к месторождениям редкоземельных металлов, а также работы на них и вывоза сырья определяется рядом факторов. Сказывается отсутствие собственных финансовых возможностей, которые позволили бы провести геологоразведку и наладить добычу редкоземельных металлов. Экономические возможности стран региона не позволяют реализовывать крупные проекты, к которым относится разработка редкоземельных металлов. У стран региона отсутствуют необходимые технологии. Сказывается политический фактор. После февраля 2022 года страны Центральной Азии находятся под давлением США и ЕС, которые требуют ослабить торгово-экономическое сотрудничество с Россией и пересмотреть внешнеполитические приоритеты. В этом контексте, привлечение иностранных инвесторов и демонстрация готовности следовать в русле политики Запада, рассматривается руководством стран Центральной Азии в качестве

дополнительной возможности укрепить политические контакты с западными государствами, которые по-прежнему рассматриваются в качестве привлекательных партнеров. Итогом политики Запада в Центральной Азии становится концентрация месторождений редкоземельных металлов в руках зарубежных компаний.

ЗАПАД ИНИЦИИРУЕТ МНОГОСТОРОННИЕ ФОРМАТЫ

Для продвижения своих интересов западные государства расширяют инструменты влияния. Помимо политических контактов активно стали внедрять многосторонние форматы сотрудничества со странами региона. В частности, США стремятся усилить контроль над странами Центральной Азии в области разведки и разработки редкоземельных металлов. В феврале 2024 года американская сторона запустила инициативу «Диалог по важнейшим полезным ископаемым»³⁷, направленную на продвижение компаний из США в странах Центральной Азии. «Инициатива была объявлена президентом Байденом и лидерами Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана во время президентского саммита C5+1 в Нью-Йорке 19 сентября 2023 года. Основная цель CMD — расширить участие региона в глобальных цепочках поставок критически важных минералов»³⁸. В целом, многосторонний формат «C5+США» направлен на выработку общих подходов, направленных на продвижение американских компаний в центральноазиатских странах, обеспечению их доступа к месторождениям

³⁷ США и Центральная Азия провели диалог по важнейшим полезным ископаемым. 12 февраля 2024. <https://www.ritmearasia.ru/news--2024-02-12--ssha-i-centralnaja-azija-proveli-dialog-po-vazhnejshim-poleznym-iskopaemym-71503?ysclid=lwkarsqlxm940875599> (дата обращения: 18.02.2024)

³⁸ Там же

редкоземельных металлов. Через данную инициативу США рассчитывают усилить контроль над месторождениями редкоземельных металлов в Центральной Азии.

Интерес США к развитию производств по добыче редкоземельных металлов в Центральной Азии вызван отсутствием собственных месторождений. Кроме того, добыча редкоземельных металлов ведет к загрязнению водных ресурсов, что вызывает протесты экологических организаций. Добыча требует использование химических реагентов и растворителей, загрязняющие водные ресурсы и почвы. Добыча редкоземельных металлов приводит к выделению токсичных газов, которые попадают в воздух. В результате, это оказывает негативное влияние на проживающее в непосредственной близости население и ведет к потере биоразнообразия.

США намерены использовать такие структуры как Финансовая корпорация, Агентство по развитию и торговле США, Геологическую службу, министерство торговли. В планах Вашингтона усилить в Центральной Азии координацию с союзниками. Прежде всего, с Японией, которая активно действует в сфере редкоземельных металлов в Казахстане. Также речь идет о Южной Корее, ЕС, Великобритании и Канаде.

Таким образом, американские, британские и европейские компании пытаются установить контроль над стратегическими активами в странах Центральной Азии. Для этого используется политическое давление на страны региона. В тоже время, заинтересованность стран Центральной Азии в привлечении зарубежных инвесторов объясняется отсутствием собственных кадров, оборудования и инвестиций, которые необходимо для модернизации или создания производства. Соответственно, страны

Центральной Азии стремятся извлечь выгоды из заинтересованности США, ЕС и Китая в получении доступа к редкоземельным металлам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях усиления западных санкций, среди политических элит стран Центральной Азии усиливается заинтересованность к развитию отношений с ЕС и США. Подобные настроения связаны с опасениями, что санкции со стороны Запада создадут угрозу политической власти. Соответственно, интерес Запада рассматривается в качестве дополнительной возможности расширить двусторонние отношения с ведущими западными государствами и тем самым, заручится их политической поддержкой. Такой подход в полной мере проявляется в сфере редкоземельных металлов, к которым Запад проявляет повышенный интерес. Кроме того, активность Запада в Центральной Азии рассматривается центральными-азиатскими странами в качестве возможности создать противовес устремлениям Китая и уравновесить политическое и экономическое влияние России.

США и ЕС будут добиваться от стран Центральной Азии изменения в законодательстве, которое должно ограничить возможности властей влиять на деятельность западных компаний. В свою очередь, политическое руководство стран Центральной Азии идет навстречу зарубежным компаниям, рассчитывая, что это позволит привлечь в страну дополнительные финансовые средства.

Для Китая вовлеченность Запада в сферу редкоземельных металлов, которые имеются в Центральной Азии, представляет определенную угрозу. Однако реальных рычагов, способных повлиять на политику западных государств и их компаний

по разработке месторождений редкоземельных металлов, Пекин не имеет.

В последнее десятилетие Китай подвергался критике из-за политики, которая привела к монополии на редкоземельную промышленность и постепенного сокращения экспортных квот на эти ресурсы»

[5]. Соответственно, Запад будет стремиться не только критиковать официальный Пекин, но и стремиться повлиять на его позиции на рынке редкоземельных металлов, пытаясь нарушить его монопольное положение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Eriksson T., Olsson D. The Product Chains of Rare Earth Elements Department of Energy and Environment. Sweden: Chalmers University of Technology. 2011. 66 p.
2. Твердов А., Жура А. Обзор рынка редкоземельных металлов. *Глобус*. 2013;1:16-19.
3. Charalampides G., Vatalis K.I., Apostoplos B., Ploutarch-Nikolas B. Rare Earth Elements: Industrial Applications and Economic
- Dependency of Europe. *Procedia Economics and Finance*. 2015:126-135.
4. Akhtar Sh.I., Schwarzenberg A.B. Critical Minerals: A U.S.-EU Free Trade Agreement? April 14 2023. Washington. Congressional Research Service. 2023; 3 p.
5. Hurs C. China's Rare Earth Elements Industry: What Can the West Learn? 2010, March. Institute for the Analysis of Global Security (IAGS). 2010; 44 p.

REFERENCES:

1. Eriksson T., Olsson D. The Product Chains of Rare Earth Elements Department of Energy and Environment. Sweden: Chalmers University of Technology. 2011. 66 p.
2. Tverdiv A., Zhura A. Review of the rare earth metals market. *Globe*. 2013;1:16-19. (In Russ.)
3. Charalampides G., Vatalis K.I., Apostoplos B., Ploutarch-Nikolas B. Rare Earth Elements: Industrial Applications and Economic Depend-
- ency of Europe. *Procedia Economics and Finance*. 2015:126-135.
4. Akhtar Sh.I., Schwarzenberg A.B. Critical Minerals: A U.S.-EU Free Trade Agreement? April 14, 2023. Washington. Congressional Research Service. 2023; 3 p.m.
5. Hurs C. China's Rare Earth Elements Industry: What Can the West Learn? 2010, March. Institute for the Analysis of Global Security (IAGS). 2010; 44 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Китай как «системный вызов» стратегическим интересам НАТО

Ольга А. Тимакова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

o.timakova@dipacademy.ru

Аннотация: Стратегическая концепция НАТО 2022 г. рассматривает Китай как «системный вызов» альянсу. Общие заявления в отношении Китая стали появляться за несколько лет до принятия новой Концепции в официальной повестке дня НАТО в ответ на усиливающееся давление со стороны администрации Д. Трампа. Военно-политическая, технологическая и дискурсивная сила КНР воспринимается блоком как угроза их стратегическим интересам. Большее военно-политическое присутствие Китая в Арктике и в регионе Ближнего Востока и Северной Африки расценивается странами НАТО как усиление гегемонистских стремлений КНР. Технологическая зависимость от поставок из Китая наносит ущерб оперативному потенциалу и военной мобильности альянса. НАТО поставила перед собой цель адаптироваться к стратегической конкуренции с Китаем, в частности, в области передовых технологий, искусственного интеллекта и 5G. Влияние Китая на повестку дня в СМИ, а также способность продвигать собственный нарратив ставят под угрозу трансатлантическую солидарность и «мягкую силу» стран альянса. Более того, КНР обвиняется в систематическом стремлении посеять раскол в трансатлантических отношениях и использовать разногласия между странами Запада в своих интересах. Усилия Китая по формированию многополярного мирового порядка представляют прямой вызов либеральным демократиям Запада и международному порядку, основанному на правилах. Европейские страны НАТО стали регулярно сталкиваться с «фактором Китая» при взаимодействии с Соединенными Штатами. Тем не менее, по-прежнему расходятся во мнениях относительно того, какую политику в отношении Пекина следует проводить альянсу. Те, кто видит в Китае угрозу безопасности, выступают за общее согласование политики с США. Те, кто признает Пекин необходимым экономическим партнером и участником глобального управления, настаивают на том, чтобы Европа проводила независимую политику, дистанцировавшись от стратегии США. Все это свидетельствует о том, что практические шаги в рамках НАТО по противостоянию Китаю, особенно за пределами Евро-Атлантического региона, будут сталкиваться с сопротивлением со стороны европейских союзников США.

Ключевые слова: НАТО, Китай, Европейский союз, Россия, вызов, безопасность, стратегические интересы, экономическое влияние

Для цитирования: Тимакова О.А. Китай как «системный вызов» стратегическим интересам НАТО. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):20–32. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-20-32>

Поступила 26.02.2024

Принята в печать 14.03.2024

Опубликована 30.03.2024

China as a ‘systemic challenge’ for NATO strategic interests

Olga A. Timakova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

o.timakova@dipacademy.ru

Abstract: NATO’s 2022 Strategic Concept views China as a “systemic challenge” to the Alliance. Joint statements regarding China began to appear several years before the adoption of the new Concept on the official NATO agenda in response to increasing pressure from the Trump administration. The military-political, technological and discursive power of the PRC is perceived by the bloc as a threat to their strategic interests. The greater military-political presence of China in the Arctic and in the Middle East and North Africa is regarded by NATO countries as strengthening the hegemonic aspirations of the PRC. Technological dependence on supplies from China harms the Alliance’s operational capabilities and military mobility. NATO has set itself the goal of adapting to strategic competition with China, particularly in the areas of advanced technologies, artificial intelligence and 5G. China’s influence on the media agenda, as well as its ability to promote its own narrative, threatens transatlantic solidarity and the “soft power” of the Alliance countries. Moreover, China is accused of systematically seeking to sow divisions in transatlantic relations and exploit differences between Western countries to its own advantage. China’s efforts to forge a multipolar world order pose a direct challenge to Western liberal democracies and the rules-based international order. European NATO states have begun to regularly encounter the “China factor” when interacting with the United States. However, there remains disagreement over what policies should be pursued toward Beijing. Those who see China as a security threat advocate general policy coordination with the United States. Those who recognize Beijing as a necessary economic partner and participant in global governance insist that Europe pursue independent policies that distance itself from US strategy. All this suggests that practical steps within the Alliance to counter China, especially outside the Euro-Atlantic region, will face resistance from the United States’ European allies.

Keywords: NATO, China, European Union, Russia, challenge, security, strategic interests, economic influence

For citation: Timakova O.A. China as a ‘systemic challenge’ for NATO strategic interests.

Post-Soviet Issues. 2024;11(1):20–32. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-20-32>

Received 26.02.2024

Revised 14.03.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

На саммите в Мадриде в 2022 г. НАТО опубликовала новую Стратегическую концепцию¹, где впервые заявила, что Китай представляет собой «системный вызов» альянсу наряду с основной «угрозой» со стороны России.

В период с окончания холодной войны и по 2017 г. отношения между Китаем и НАТО в основном носили характер сотрудничества, однако взаимодействие было достаточно ограниченным и не институционализированным. Администрации же Д. Трампа и Дж. Байдена стали воспринимать общую активизацию политики Китая на международной арене как попытки расширить глобальное присутствие и занять место глобального лидера. В условиях трансформации мирового порядка Китай признавался ими потенциально новой сверхдержавой и по совокупной мощи равным противником. В связи с этим Соединенные штаты стали усиливать давление на союзников в попытках консолидировать международные альянсы для противостояния КНР.

В статье будут рассмотрены основные характерные особенности геополитического статуса Китая, который обуславливает «системный вызов» стратегическим интересам НАТО, а также основные векторы общей политики блока в отношении него.

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ НАТО В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ

Среди стран-членов НАТО нет единого подхода относительно развития общей стратегии в отношении Китая. Сразу после саммита в июне 2022 г. в газете The New York Times появилась новость, что Китай был бы открыто классифицирован как «угроза», если бы не позиция Германии и Франции². Эти страны настаивали на смягчении более враждебной терминологии, чтобы не наносить ущерб их торговым и технологическим связям с Китаем.

Стратегия все же четко противопоставляет политику и амбиции Пекина интересам, безопасности и ценностям Североатлантического блока. Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг так описал отношения с Пекином: «Китай не является нашим противником, но мы должны ясно видеть серьезные проблемы, которые он создает»³. Тактика Китая называется «принудительной», его гибридные и кибероперации — «злонамеренными», а его риторика — «конфронтационной». И более того заявляется, что Китай присоединяется к России в ее усилиях по подрыву «международного порядка, основанного на правилах»⁴, в том числе в космической, кибер- и морской сферах.

В докладе, который был подготовлен при разработке новой Стратегической

¹ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

² Qin A., Ramzy A. Labeled a 'Challenge' by NATO, China signals its own hard-line worldview. 01.07.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/07/01/world/asia/china-nato.html> (дата обращения: 17.01.2024).

³ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and US President Joe Biden at the start of the 2022 NATO Summit. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197374.htm (дата обращения: 10.01.2024).

⁴ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

концепции, — «НАТО 2030»⁵ — подчеркивалась важность того, чтобы НАТО оставалась «готовой, сильной и единой в новую эру усиления глобальной конкуренции». Важным изменением Концепции, по сравнению с предыдущей ее редакцией, стало изменение приоритетов угроз. Если в 2010 г. во главе списка стояла борьба с терроризмом, то теперь союзники считают вызовы со стороны «авторитарных акторов» «интересам, ценностям и демократическому образу жизни» стран-членов альянса более значительными. В число таких акторов страны НАТО ставят и КНР.

Стратегическая конкуренция с «авторитарными акторами» влияет, по мнению стратегов альянса, на оценку угроз во всех секторах безопасности, но особенно очевидна в киберпространстве. Если в 2010 г. заявлялось, что «кибератаки становятся более частыми, более организованными и более дорогостоящими»⁶, то в 2022 г. формулировка стала более определенной: «злоумышленники стремятся нанести ущерб критически важной инфраструктуре [НАТО], вмешиваться в государственные службы, извлекать разведанные, красть интеллектуальную собственность и препятствовать военной деятельности [НАТО]»⁷.

Совместное заявление НАТО о Китае как о системном вызове международному порядку, основанному на правилах, и одобрение на высшем уровне пакета реформ

НАТО до 2030 г. были итогом сложной процедуры нахождения консенсуса среди стран-членов. Но это далеко не означает, что достигнутое взаимопонимание и взаимная озабоченность сделают возможным США использовать потенциал НАТО для проведения операции далеко вне зоны ответственности блока — в Индо-Тихоокеанском регионе. В Стратегической концепции 2022 г. приоритет отдается повышению устойчивости государств-членов НАТО к действиям Китая, которые подрывают согласованность сообществ, экономик и демократических институтов именно на пространстве Евро-Атлантики.

Угрозы, которые представляет политика Китая, сформулированы как стремление «контролировать ключевые технологические и промышленные сектора, критически важную инфраструктуру, а также стратегически важные ресурсы и цепочки поставок». Уточняется, что Китай «использует свои экономические рычаги для создания стратегической зависимости и усиления своего влияния»⁸.

Однако в широком общественно-политическом дискурсе стран-членов НАТО вызовы, которые создает политика Китая, раскрываются более подробно. Бывший посол США в России А. Вершбоу даже указал, что Китай является «многомерной угрозой №1 в долгосрочной перспективе»⁹, подчеркивая сложность противостояния влиянию Китая.

⁵ NATO 2030 Factsheet. June 2021. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/6/pdf/2106-factsheet-nato2030-en.pdf (дата обращения: 18.01.2024).

⁶ Strategic Concept 2010. 19.11.2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_82705.htm (дата обращения: 14.01.2024).

⁷ Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

⁸ Там же.

⁹ Bayer L. NATO rushes to halt Russia, leaving China pivot unresolved. 28.06.2022. URL: <https://www.politico.eu/article/nato-united-front-vladimir-putin-china-ukraine-russia-madrid-summit/> (дата обращения: 17.01.2024).

Можно выделить несколько ключевых факторов, определяющих геополитический статус Китая. Некоторые из них уже много лет являются частью дискурса безопасности Евро-Атлантического региона, другие проявились только недавно¹⁰.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ КИТАЯ

Во-первых, необходимо зафиксировать становление Китая как нового глобального лидера. Страны альянса рассматривают текущую международную ситуацию как возможное формирование нового биполярного мирового порядка [1], пришедшего на смену так называемому однополярному под предводительством США в 1990-х и начале 2000-х гг. Поскольку к 2026 г. экономика Китая, по оценкам, будет на 25 % больше, чем экономика Соединенных Штатов, у Пекина есть ресурсы для дальнейшего увеличения оборонного бюджета. В 2021 г. Й. Столтенберг заявил, что Китай в настоящее время занимает второе место в мире по расходам на оборону, стремясь стать мировым лидером в области передовых технологий¹¹. В июле 2022 г., сразу после саммита НАТО, руководители ФБР и МИ5 провели совместную

пресс-конференцию в Лондоне, где предупредили, что Китай представляет собой «самую большую долгосрочную угрозу экономической и национальной безопасности [для стран Запада]»¹². Они также подчеркнули, что кризис на Тайване «станет одним из самых ужасных сбоев в мировой торговле, которые когда-либо видел мир». В этой связи показательны обвинения, звучащие в адрес Пекина, в милитаризации островов в оспариваемых районах Южно-Китайского моря¹³ и строительстве двух новых ракетных шахт на северо-западе страны¹⁴.

НАТО следит за тем, как Китай проецирует свою мощь в странах, географически очень близких к альянсу, например в Черноморском регионе, и стратегически важных для стран-членов блока: в Африке и Индо-Тихоокеанском регионе. Цель Китая — стать центром глобальной сети новых инфраструктурных проектов — от автомагистралей и портов до передовых телекоммуникаций — для укрепления своих экономических торговых связей с Африкой, Ближним Востоком, Россией и Европой [2]. Странами Запада это расценивается как «экономическое принуждение»¹⁵.

¹⁰ См., например: Bekkevold J.I. NATO's new division of labor on Russia and China won't be easy. 11.07.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/11/nato-strategy-china-russia-threat-europe-asia-geopolitics/> (дата обращения: 15.01.2024).

¹¹ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the NATO-Industry Forum in Rome, Italy. 18.11.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_188666.htm (дата обращения: 13.01.2024).

¹² Joint address by MI5 and FBI heads. 06.07.2022. URL: <https://www.mi5.gov.uk/news/speech-by-mi5-and-fbi> (дата обращения: 15.01.2024).

¹³ China has fully militarized three islands in South China Sea, US admiral says. 21.03.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/mar/21/china-has-fully-militarized-three-islands-in-south-china-sea-us-admiral-says> (дата обращения: 16.01.2024).

¹⁴ Korda M., Kristensen H. China is building a second nuclear missile silo fields. 26.07.2021. URL: <https://fas.org/publications/china-is-building-a-second-nuclear-missile-silo-field/> (дата обращения: 15.01.2024).

¹⁵ Khaliq R. Australian premier accuses China of 'economic coercion' at NATO huddle. 30.06.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/australian-premier-accuses-china-of-economic-coercion-at-nato-huddle/2626855> (дата обращения: 16.01.2024).

Отдельное беспокойство вызывает у стран Запада большее военное присутствие Китая не только в сопредельных регионах, но и в самой Евро-Атлантике. В настоящее время Китай обладает крупнейшим в мире военно-морским флотом¹⁶. С открытием своей первой зарубежной базы материально-технического снабжения в Джибути в 2017 г. Народно-освободительная армия Китая уже поддерживает постоянное военно-морское присутствие в непосредственной близости от Европы. Есть свидетельства, что Китай планирует создать военные базы и на западном берегу Африканского континента¹⁷. Китай расширяет свою сеть военных атташе в Африке, увеличив при этом продажи оружия на континенте, которые в период с 2012 по 2017 г. выросли на 55 %¹⁸.

В июле 2019 г. НОАК впервые провела медицинские учения с немецкими

военными на территории НАТО¹⁹. До этого в 2015 и 2017 гг. российские и китайские военно-морские силы провели совместные военные учения в Средиземном²⁰ и Балтийском морях²¹. Активная политика Китая в арктическом регионе, с акцентом на исследовательской деятельности, воспринимается странами Запада исключительно в военном измерении²².

Стремление Китая возглавить реформу системы глобального управления и распространить свой подход к мировому порядку «представляет прямой вызов либеральным демократиям и международному порядку, основанному на правилах, который является ключом к безопасности альянса»²³. В итоге хотя Китай не представляет на данный момент прямой военной угрозы Североатлантическому союзу, усилия Пекина «приблизиться к мировому центру влияния»²⁴ имеют явные последствия для НАТО и Европы.

¹⁶ China naval modernization: implications for US Navy capabilities – background and issues for Congress. Updated October 7, 2021. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/RL33153/254> (дата обращения: 17.01.2024).

¹⁷ Binnendijk H., Hamilton D.S. Face it, NATO: the North Atlantic and Indo-Pacific are linked. 21.06.2022. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2022/06/21/face-it-nato-the-north-atlantic-and-indo-pacific-are-linked/> (дата обращения: 18.01.2024).

¹⁸ Banerjee V., Tkach B. Amid Russia-Ukraine war, China could dominate the value arms market. 08.08.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/08/amid-russia-ukraine-war-china-could-dominate-the-value-arms-market/> (дата обращения: 17.01.2024).

¹⁹ Vandiver J. In a first, Chinese military deploys for medical drill with German forces in Europe. 10.07.2019. URL: <https://www.stripes.com/news/in-a-first-chinese-military-deploys-for-medical-drill-with-german-forces-in-europe-1.589687> (дата обращения: 16.01.2024).

²⁰ Gady F.S. China and Russia conclude naval drill in Mediterranean. 22.05.2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/05/china-and-russia-conclude-naval-drill-in-mediterranean/> (дата обращения: 16.01.2024).

²¹ Higgins A. China and Russia hold first joint naval drill in the Baltic sea. 25.07.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/25/world/europe/china-russia-baltic-navy-exercises.html> (дата обращения: 16.01.2024).

²² Koh S. China's strategic interest in the Arctic goes beyond economics. 12.05.2020. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/05/11/chinas-strategic-interest-in-the-arctic-goes-beyond-economics/> (дата обращения: 16.01.2024).

²³ Dempsey J. Judy asks: Is NATO ready for China? 17.06.2021. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/84798> (дата обращения: 18.01.2024).

²⁴ Xi J. Secure a decisive victory in building a moderately prosperous society in all respects and strive for the great success of socialism with Chinese characteristics for a new era. 18.10.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf (дата общения: 18.01.2024).

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ КИТАЯ

Важным фактором является технологическое влияние Китая. Весь спектр конкуренции в структуре глобальной мощи больше не определяется обычной военной силой. Новые технологии, такие как искусственный интеллект и 5G, позволили Китаю проводить более активную политику в Европе. Однако уже с периода администрации Д. Трампа наблюдается устойчивая тенденция ограничения операций таких технологических ТНК как Huawei, ZTE и Hуtera в Европе²⁵, а между США и Европой формируется диалог по противодействию технологической зависимости от Китая²⁶.

Особые опасения в странах-членах НАТО вызывают китайские инвестиции в европейскую экономику, и конкретно в критически важные инфраструктурные объекты. Две трети государств Европейского союза являются официальными партнерами китайской инициативы «Один пояс, один путь», что позволяет Пекину инвестировать в энергетику, железные дороги, автомобильные дороги

и порты²⁷. Фактически около 10% пропускной способности европейских портов уже принадлежит китайским государственным компаниям²⁸, например Порт Пирей в Греции находится в ведении China Ocean Shipping Group.

Решение Европейского союза в 2021 г. заморозить инвестиционное соглашение между Европейским союзом и Китаем²⁹ лишь формально было аргументировано нарушениями прав человека в Синьцзяне. Существуют свидетельства, что еще до этой резолюции во многих случаях давление со стороны Брюсселя заставляло страны ограничивать новые иностранные инвестиции в чувствительных областях³⁰.

Кроме того, в отчете Торговой палаты ЕС в Китае, озаглавленном «Грядущие события: борьба за контроль над технической стандартизацией»³¹, раскрываются особенности китайской политики стандартизации и определяется установление технических стандартов как «поле битвы», на котором государства борются за достижение доминирования в стратегических технологиях, таких как 5G, ИИ и новые электромобили. Согласно отчету,

²⁵ Baker L., Chalmers J. As Britain bans Huawei, US pressure mounts on Europe to follow suit. 14.07.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-britain-huawei-europe-idUSKCN24F1XG>

²⁶ Gramer R. Trump turning more countries in Europe against Huawei. 27.10.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/10/27/trump-europe-huawei-china-us-competition-geopolitics-5g-slovakia/>

²⁷ Hillman J., Tippet A. The Belt and Road Initiative: forcing Europe to reckon with China? 27.04.2021. URL: <https://www.cfr.org/blog/belt-and-road-initiative-forcing-europe-reckon-china> (дата обращения: 15.01.2024).

²⁸ Johnson K. Why is China buying up Europe's ports? 02.02.2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/02/why-is-china-buying-up-europes-ports/> (дата обращения: 18.01.2024).

²⁹ MEPs refuse any agreement with China whilst sanctions are in place. 20.05.2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20210517IPR04123/meps-refuse-any-agreement-with-china-whilst-sanctions-are-in-place> (дата обращения: 11.01.2024).

³⁰ Brattberg E., Le Corre Ph., Stronski P., De Waal Th. China's influence in Southeastern, Central, and Eastern Europe: vulnerabilities and resilience in four countries. 13.10.2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/10/13/china-s-influence-in-southeastern-central-and-eastern-europe-vulnerabilities-and-resilience-in-four-countries-pub-85415> (дата обращения: 17.01.2024).

³¹ The Shape of things to come: the race to control technical standardisation. 02.12.2021. URL: <http://www.europeanchamber.com.cn/en/publications-standardisation-report> (дата обращения: 15.01.2024).

на Китай уже приходится 40% патентов на приложения для сетей связи шестого поколения, которые, как ожидается, будут запущены в коммерческую эксплуатацию уже в 2030 г. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай подписал 98 двусторонних и многосторонних соглашений по стандартизации с 55 странами и международными организациями.

Как показывает исследование Merics 2020 г., «в электронике, химической промышленности, минералах/металлах и фармацевтической/медицинской продукции ЕС имеет критическую стратегическую зависимость от импорта из Китая»³².

Наиболее примечательным является беспокойство по поводу того, что китайские технологические достижения и инвестиции в инфраструктуру несут угрозу безопасности НАТО. Данный факт аргументируется тем, что покупка Китаем стратегических портов в странах-союзниках может потенциально усложнить военную мобильность и готовность НАТО в кризисных ситуациях. Точно также, если некоторые союзники включают китайское

оборудование в свои сети 5G, возникнут вопросы о целостности их телекоммуникационных систем³³. Приобретение Китаем технологических компаний может привести к зависимости цепочки поставок, связанных с обороной, как уже в 2019 г. показала ситуация с истребителями F-35³⁴.

Но кроме того, развитие передовых технологий, среди прочего, позволяет Китаю усилить свое геополитическое присутствие в киберпространстве и космосе. Китай инвестирует в противокосмическое оружие³⁵, которое потенциально может поразить любой спутник НАТО. Страны НАТО неоднократно обвиняли Китай в причастности к кибератакам на серверы Microsoft по всему миру в 2021 г.³⁶ В этой связи Министерство юстиции США также начало преследование четырех других хакеров за нападения на иностранные правительства и компании по всему миру в попытках завладеть интеллектуальной собственностью и конфиденциальной информацией³⁷.

Предлагается, что для устранения этих угроз союзники будут более глубоко координировать свои действия в соответствии

³² Zenglein M.J. Mapping and recalibrating Europe's economic interdependence with China. 17.11.2020. URL: <https://merics.org/en/report/mapping-and-recalibrating-europes-economic-interdependence-china> (дата обращения: 15.01.2024).

³³ Kovalcikova N., Tarini G. Stronger together: NATO's evolving approach toward China. May 2020. URL: <https://www.wiisglobal.org/wp-content/uploads/2020/05/WIIS-Policy-Brief-NATO-and-China-May-11-2020.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

³⁴ Doffman Z. US and UK F-35 jets include 'core' circuit boards from Chinese-owned company. 15.06.2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/zakdoffman/2019/06/15/chinese-owned-company-supplies-electronics-on-u-s-and-u-k-f-35-fighter-jets/?sh=21c100dd25c0> (дата обращения: 17.01.2024).

³⁵ Harrison T., Johnson K., Moye J., Young M. Space threat assessment 2021. April 2021. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/210331_Harrison_SpaceThreatAssessment2021.pdf?gVYhCn79enGCOZtcQnA6MLkeKlCwqkqs (дата обращения: 15.01.2024).

³⁶ Sabbagh D., Rankin J., Walker P. UK and allies accuse Chinese state-backed group of Microsoft hack. 19.07.2021. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/jul/19/uk-allies-accuse-chinese-state-backed-group-microsoft-hack> (дата обращения: 16.01.2024).

³⁷ Four Chinese nationals working with the Ministry of State security charged with global computer intrusion campaign targeting intellectual property and confidential business information, including infectious disease research. 19.07.2021. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/four-chinese-nationals-working-ministry-state-security-charged-global-computer-intrusion> (дата обращения: 16.01.2024).

со статьей 2 Вашингтонского договора, которая обязывает их содействовать условиям стабильности и благополучия и поощрять экономическое сотрудничество.

НОВЫЕ БЛОКИ И АЛЬЯНСЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Значительное влияние в новой международной конфигурации оказывает фактор, который связан с проблемами в трансатлантической солидарности и вкладом Китая в «раскол» между союзниками. Хотя Соединенные Штаты объявили о переориентации на Азию еще в 2011 г.³⁸, неуверенность в Европе в отношении долгосрочных обязательств США в отношении трансатлантической и, скорее, европейской безопасности проявилась только при администрации Д. Трампа. Именно он недвусмысленно дал понять европейским элитам, что США готовы будут защищать только союзников, «разделивших бремя расходов». Таким образом, резкое изменение позиции в отношении Китая можно связать со стремлением обеспечить себе поддержку Вашингтона [3].

Несмотря на широкое обсуждение угроз, исходящих со стороны Китая, и общее разделение озабоченности, среди европейских стран-членов уже долгое время нет единого мнения о дальнейших шагах в отношении Пекина. Географическое положение Китая не предопределяет трансатлантическое единство в отношении него. Аналитики Gavekal Dragonomics даже настаивают,

что «Европа более склонна принять мир, в котором Китай станет региональным гегемоном. Некоторые из ее лидеров считают, что такой мировой порядок может быть более выгодным для Европы»³⁹.

Особое место занимает позиция Франции по этому вопросу, расходящаяся с позицией европейских институтов. Франция долгое время сохраняет неоднозначное отношение к проекту единой европейской китайской стратегии. Президент Э. Макрон, в частности, делал очень много заявлений об отношениях с Китаем как на двустороннем уровне, так и в рамках альянса. Еще в 2021 г. сразу после публикации совместного коммюнике НАТО по итогам саммита в Брюсселе Э. Макрон подчеркивал, что «НАТО — военная организация, и вопрос отношений с Китаем — это не только военный вопрос. НАТО — это организация, которая занимается Северной Атлантикой, Китай имеет мало общего с Северной Атлантикой»⁴⁰. Он настаивал на том, что отношения с Китаем «шире, чем военная тематика. Это экономические, стратегические, ценностные и технологические вопросы»⁴¹. Э. Макрон призывал альянс не «разбрасывался усилиями [европейцев] и не иметь предубеждений в отношениях с Китаем».

Нельзя не отметить ту роль, которую сыграло создание альянса AUKUS и срыв сделки между Францией и Австралией на позицию Парижа в отношении Пекина. После официального визита в Китай

³⁸ Clinton H. America's Pacific century. 11.10.2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 17.01.2024).

³⁹ Xie Y. Europe de-risks its China portfolio. 04.04.2023. URL: <https://research.gavekal.com/teaser/europe-de-risks-its-china-portfolio/> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁰ Herszenhorn D., Momtaz R. NATO leaders see rising threats from China, but not eye to eye with each other. 14.06.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/nato-leaders-see-rising-threats-from-china-but-not-eye-to-eye-with-each-other/> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴¹ Le Corre Ph. NATO looking East: the case of China. NATO Briefs Series. 05.01.2022. URL: <https://www.frstrategie.org/en/publications/nato-briefs-series/nato-looking-east-case-china-2022> (дата обращения: 17.01.2024).

весной 2023 г. Э. Макрон дал интервью изданию Politico⁴². Его замечания об отношениях Европы с Китаем и Соединенными Штатами вызвали шквал критики⁴³. По словам Э. Макрона, Европа должна определить стратегию выхода из соперничества между Соединенными Штатами и Китаем. Европа должна уменьшить свою зависимость от США и избежать втягивания в конфронтацию из-за Тайваня⁴⁴.

Но не только Франция отстаивает свою позицию по отношениям с Китаем. Венгерское правительство В. Орбана также поддерживает крепкие связи с Китаем, являясь одним из государств, участвующих в проекте «Один пояс, один путь». В июне 2021 г. Венгрия заблокировала заявление ЕС, в котором критиковалась политика Китая в отношении Гонконга⁴⁵. И в целом Будапешт использует стратегические проблемы между Парижем и Брюсселем в своих интересах⁴⁶.

Сказываются также изменения во внешнеполитической стратегии Китая. С одной

стороны, Пекин стал более активно участвовать в мировом политическом процессе, четко определяя собственную позицию по тем или иным международным вопросам. Например, Европейский союз обращает внимание на китайскую «дипломатию воинов-волков»⁴⁷ и растущую способность Пекина блокировать решения ЕС⁴⁸. Китай активно использует двусторонние связи, чтобы воспрепятствовать выработке единых позиций в Европейском союзе, что позволяет ослабить совместные позиции в НАТО по вопросам, противоречащим интересам Китая. С другой стороны, Китай стал более жестко реагировать на действия, которые он расценивает как вмешательство во внутренние дела.

Китай постоянно обвиняется в систематическом стремлении посеять раскол в трансатлантических отношениях и использовать разногласия между странами Запада в своих интересах⁴⁹. Страны НАТО фактически признают способность

⁴² Anderlini J., Caulcutt C. Europe must resist pressure to become 'America's followers', says Macron. 09.04.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/emmanuel-macron-china-america-pressure-interview/> (дата обращения: 19.01.2024).

⁴³ Camut N. China hawks tell Macron: you don't speak for Europe. 11.04.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/china-skeptic-mps-emmanuel-macron-speak-europe/> (дата обращения: 19.01.2024).

⁴⁴ Anderlini J., Caulcutt C. Europe must resist pressure to become 'America's followers', says Macron. 09.04.2023. URL: <https://www.politico.eu/article/emmanuel-macron-china-america-pressure-interview/> (дата обращения: 19.01.2024).

⁴⁵ Baczynska G., Escritt Th. German official rebukes Hungary for blocking EU criticism of China. 04.06.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/eu-cant-work-like-this-german-official-says-after-hungary-blocks-china-statement-2021-06-04/> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴⁶ Dams T. Forging European Unity on China. The Case of Hungarian Dissent. April 2022. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2022-04/PB_Forging_European_Unity_on_China.pdf (дата обращения: 17.01.2024)

⁴⁷ Baker L., Emmott R. As China pushes back on virus, Europe wakes to 'Wolf Warrior' diplomacy. 14.05.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-europe-china-insig-idUSKBN22Q2EZ> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁸ Brattberg E., Le Corre Ph., Stronski P., De Waal Th. China's influence in Southeastern, Central, and Eastern Europe: vulnerabilities and resilience in four countries. 13.10.2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/10/13/china-s-influence-in-southeastern-central-and-eastern-europe-vulnerabilities-and-resilience-in-four-countries-pub-85415> (дата обращения: 15.01.2024).

⁴⁹ Kuo M. China and NATO's Strategic Concept. 03.08.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/08/china-and-natos-strategic-concept/> (дата обращения: 16.01.2024).

Китай контролировать нарративы в СМИ и оказывать влияние на общественное мнение. Европейские эксперты уточняют, что Китай разрабатывает информационную стратегию с антизападными, антинатовскими или антиамериканскими нарративами. Она распространяется китайскими официальными СМИ, официальными лицами и дипломатами за рубежом, служит его геостратегическим и экономическим интересам и нацелена на государства-члены альянса. Ведущие китайские СМИ и социальные сети в основном изображают ЕС и европейские страны как «марионеток» и «жертв антироссийской политики», пропагандируемой США через НАТО⁵⁰.

Эксперты НАТО заключают, что, несмотря на то что Китай, возможно, не пытается явно экспортировать свою политическую модель за границу, его растущие попытки формировать общественные дискуссии и процессы глобального управления во всем мире могут нанести ущерб устойчивости либеральных демократий и их международным интересам⁵¹.

В мае 2022 г., когда многие африканские и азиатские страны выразили обеспокоенность продовольственным кризисом, связанным с препятствиями для импорта урожая и удобрений из России и Украины, Китай обвинил в этом санкции и коллективный Запад⁵², а китайские дипломаты сделали по этому поводу аналогичные официальные заявления⁵³. С самого начала 2022 г. в чешских, польских, румынских и словацких версиях своих официальных страниц и в социальных сетях китайские СМИ и дипломаты критиковали ЕС за отсутствие политической автономии⁵⁴.

Наконец, у стран Запада вызывает озабоченность углубление отношений России и Китая. Европейские эксперты говорят о том, что украинский кризис создал глобальный геополитический разлом [4], где Китай не действует как союзник Запада⁵⁵. Страны Евро-Атлантики беспокоит сотрудничество России и Китая, в том числе в Арктическом регионе⁵⁶. Но наибольшее значение для стран НАТО имеет их сотрудничество по созданию альтернативной международной торговой

⁵⁰ Karaskova I., et. al. Backing Russia on Ukraine: China's messaging in Central and Eastern Europe. May 2022. URL: https://chinaobservers.eu/wp-content/uploads/2022/05/CHOICE_policy-paper_Backing-Russia-on-Ukraine_04_web.pdf (дата обращения: 19.01.2024).

⁵¹ Sebok F., Turcsanyi R. China as a narrative challenge for NATO member states. NATO Strategic Communication Centre of Excellence. 2021. 34 p.

⁵² Qi R. Western sanctions blamed for global food crisis. 24.05.2022. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202205/24/WS628c393fa310fd2b29e5e949.html> (дата обращения: 16.01.2024).

⁵³ Lin J. Personal Twitter Page. 24.05.2022. URL: https://twitter.com/CGCHINA_CPT/status/1529121903222431745 (дата обращения: 17.01.2024).

⁵⁴ Karaskova I., et. al. Backing Russia on Ukraine: China's messaging in Central and Eastern Europe. May 2022. URL: https://chinaobservers.eu/wp-content/uploads/2022/05/CHOICE_policy-paper_Backing-Russia-on-Ukraine_04_web.pdf (дата обращения: 19.01.2024).

⁵⁵ Bekkevold J.I. Ukraine is the Korean war redux. 28.06.2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/06/28/ukraine-russia-china-nato-korean-war-cold-bipolar-geopolitics-strategy/> (дата обращения: 19.01.2024); Johnson I. Has China lost Europe? 10.06.2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2022-06-10/has-china-lost-europe> (дата обращения: 19.01.2024).

⁵⁶ Koh S. China's strategic interest in the Arctic goes beyond economics. 12.05.2020. URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2020/05/11/chinas-strategic-interest-in-the-arctic-goes-beyond-economics/> (дата обращения: 17.01.2024).

системы, независимой от доллара США, центральной опоры лидерского статуса Вашингтона⁵⁷. Однако именно политика Запада в отношении Китая и России во многом способствовала укреплению их партнерства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на перечисленные угрозы, в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. заявлено, что «у Соединенных Штатов есть все, что нам нужно, чтобы выиграть в соревновании за лидерство в XXI веке»⁵⁸. Однако вполне очевидно, что без поддержки союзников Вашингтон не сможет рассчитывать на заявленную победу. В своем выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности президент Дж. Байден уже обозначил такой четкий приоритет для союзников США, заявив: «Мы должны вместе готовиться к долгосрочному стратегическому соревнованию с Китаем»⁵⁹. Однако

разногласия в подходах к Китаю сохраняются внутри альянса и внутри европейского сообщества в целом.

Из-за различий в географии, политике и экономических сложностях 31 страна НАТО имеет разные взгляды на масштабы китайской угрозы. Однако Стратегическая концепция 2022 г. свидетельствует о декларативной новой трансатлантической сделке: НАТО, при возобновлении обязательств Америки, сосредоточится в основном на Европе и коллективной обороне, а европейские страны поддержат Вашингтон в сдерживании Китая, прежде всего в дипломатическом и экономическом плане.

Фактически же договориться о дальнейших коллективных шагах будет сложно. Союзники едины в своей озабоченности политикой и амбициями Китая, но они расходятся во мнениях относительно того, что именно следует с этим делать и какова должна быть роль НАТО.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Tunsjo O. The return of bipolarity in world politics. China, the United States and geostructural realism. NY: Columbia University Press; 2018. 288 p.
2. Тимакова О.А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2021;21(4):700-711. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711
3. Тимакова О.А. Политика Администрации Дж. Байдена в отношении НАТО. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2021;1(27):139-152.
4. Kirchberger S., Sinjen S., Wormer N. *Russia-China Relations*. Cham: Springer; 2022. 315 p.

⁵⁷ Glover G. Russia and China are brewing up a challenge to dollar dominance by creating a new reserve currency. 24.06.2022. URL: <https://markets.businessinsider.com/news/currencies/dollar-dominance-russia-china-rouble-yuan-brics-reserve-currency-imf-2022-6?op=1> (дата обращения: 14.01.2024).

⁵⁸ National Security Strategy. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).

⁵⁹ Remarks by the President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference. 19.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (дата обращения: 18.01.2024).

REFERENCES

1. Tunsjo O. The return of bipolarity in world politics. China, the United States and geostructural realism. NY: Columbia University Press; 2018. 288 p.
2. Timakova O. A. China's Relations with the Mediterranean States: Military and Political Aspects. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(4):700-711. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711 (In Russ)
3. Timakova O.A. Politics of J. Biden Administration towards NATO. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2021;1(27):139-152. (In Russ)
4. Kirchberger S., Sinjen S., Wormer N. *Russia-China Relations*. Cham: Springer; 2022. 315 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга А. Тимакова, Кандидат политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2; o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova, Ph.D. (Political Science), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; o.timakova@dipacademy.ru

Гуманитарная политика России: проблемы и решения

Алексей В. Борисов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

aborisof@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемы гуманитарной политики и гуманитарного сотрудничества России. По мнению автора, отечественный гуманизм не выходит за рамки, установленные Хельсинкским заключительным актом. Содержащиеся в документах стратегического планирования формулировки задач и направлений отечественной гуманитарной политики сводятся лишь к описанию способов и условий коммуникации, оставляя за пределами документов стратегического планирования специфику гуманитарной деятельности и гуманитарных инструментов, затрудняя тем самым ее институциональное оформление. Автор полагает, целью гуманитарного сотрудничества может быть формирование глобальной структуры поддержки отечественных внешнеполитических инициатив, представляющую густую сеть взаимодействий, обеспечивающей волновые эффекты, расширяющих влияние России и формируя новые зависимости. Но достижение подобной цели невозможно без выдвижения четкой альтернативы современному мировому порядку, которая будет отражать не только интересы России, но и стран, несогласных с западноцентричным мировым порядком.

Ключевые слова: альтернатива, внешняя политика, гуманитарная политика, гуманитарное сотрудничество, идентичность, массовая коммуникация, мягкая сила, Россотрудничество, цифровые платформы

Для цитирования: Борисов А.В. Гуманитарная политика России: проблемы и решения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):33-44. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-33-44>

Поступила 06.03.2024

Принята в печать 19.03.2024

Опубликована 30.03.2024

Russian humanitarian policy: problems and solutions

Alexey V. Borisov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

aborisof@gmail.com

Abstract: The article examines some problems of Russia's humanitarian policy and humanitarian cooperation. According to the author, domestic humanitarianism does not go beyond the boundaries established by the Helsinki Final Act. The formulation of tasks and directions of domestic humanitarian policy contained in strategic planning documents is reduced only to a description of the methods and conditions of communication, leaving the specifics of humanitarian activities and humanitarian instruments outside the scope of strategic planning documents, thereby complicating its institutionalization. The author believes that the goal of humanitarian cooperation may be the formation of a global structure of support for domestic foreign policy initiatives, representing a dense network of interactions that provides ripple effects, expanding Russia's influence and forming new dependencies. But achieving such a goal is impossible without putting forward a clear alternative to the modern world order, which will reflect not only the interests of Russia, but also of countries that disagree with the Western-centric world order.

Keywords: alternative, foreign policy, humanitarian policy, humanitarian cooperation, identity, mass communication, soft power, Rossotrudnichestvo, digital platforms

For citation: Borisov A.V. Russian humanitarian policy: problems and solutions. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):33–44. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-33-44>

Received 06.03.2024

Revised 19.03.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

Гуманитарное сотрудничество в отечественной практике рассматривается как важное направление внешней политики государства. Об этом свидетельствует издание документов стратегического планирования, определяющих параметры гуманитарной политики России за рубежом и порядок предоставления гуманитарной помощи, включение гуманитарных вопросов в повестку проводимых Россией международных форумов. Однако постулирование важности гуманитарного сотрудничества не приводит к практике эффективного использования гуманитарных

инструментов во внешней политике, более того, гуманитарное сотрудничество зачастую не рассматривается как инструмент, направленный на поддержку и обеспечение деятельности по продвижению национальных интересов России. Именно так можно истолковать заявление руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, сделанное им в шутовском тоне на своем телеграм-канале: «...мужики-то и не знают,

что Россотрудничество не занимается никакими санкциями, то есть совсем. Вы бы еще борьбой с сусликами в степной полосе бы нам поручили заняться»¹.

Не стоит обращать внимание на намеренно ернический тон заявления, но то, что руководитель органа исполнительной власти, оказывающего содействие МИД России «в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации в части, касающейся координации в установленном порядке программ в сфере международного гуманитарного сотрудничества»², не видит связи между деятельностью агентства и поведенческим откликом зарубежной аудитории на отечественное гуманитарное послание, указывает на наличие определенных проблем.

СПЕЦИФИКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРОЕКТА

Прежде всего, это проблемы в области целеполагания. Отечественный гуманизм не выходит за рамки, установленные Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который определил и продолжает определять параметры отечественной гуманитарной деятельности. Даже формулировка цели

гуманитарного сотрудничества, содержащаяся в Концепции внешней политики России, и заключающаяся в «повышении взаимопонимания и укрепления доверия между государствами»³, лишь повторяет цель, которая предваряет содержание «гуманитарной корзины» Хельсинкской декларации: «Государства-участники, желая содействовать укреплению мира и взаимопонимания между народами...»⁴.

Формулировка задач и направлений отечественной гуманитарной политики сводится лишь к описанию способов и условий коммуникации, оставляя за пределами документов стратегического планирования специфику гуманитарной деятельности и гуманитарных инструментов, затрудняя тем самым ее институциональное оформление. В Стратегии национальной безопасности России говорится о «повышении роли России в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве»⁵. В Основных направлениях политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества, заявляется, что «международное культурно-гуманитарное сотрудничество включает связи в области культуры и искусства, науки и образования, средств

¹ Телеграм-канал Евгения Примакова. 17.08.2023. URL: <https://t.me/evgenyprimakov/3410> (дата обращения: 29.02.2024).

² Положение о Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1315. (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 08.05.2013 № 476). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79833/d000c16dfa166410dc332cad218c75a6a94aca5/ (дата обращения: 01.03.2024).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. №229. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400. 02.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 01.03.2024).

массовой информации, молодежных обменов, издательского, музейного, библиотечного и архивного дела, спорта и туризма»⁶. Концепция внешней политики сводит международное гуманитарное сотрудничество к поддержке распространения русского языка и укреплению его позиций как языка международного общения, межрелигиозному диалогу, сотрудничеству в сфере спорта и культуры, противодействию фальсификации истории⁷.

Подобное положение дел затрудняет, а порой и сводит на нет, усилия России в гуманитарной сфере. Мы заблудились, трактуя гуманитаризм в духе третьей корзины Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинский акт, где гуманитарная корзина играла вспомогательную и ограниченную роль, были заключен в другое время, другими акторами и с неочевидными, для некоторых отечественных чиновников и политиков, целями. Хельсинские соглашения — результат множества компромиссов, причем не только между двумя сверхдержавами — США и СССР. Включение гуманитарных вопросов в повестку переговоров и тел итогового документа происходит по целому ряду причин. Но главные — попытка преодолеть стратегический тупик и выстроить систему коммуникаций между великими державами, обеспечивая минимальный уровень гарантий безопасности

для оппонентов и не только для них. Осознание масштаба угрозы приводит к осознанию общности судьбы человечества. Более чем за 10 лет до подписания соглашений, в 1963 году, Папа Римский Иоанн XXIII издает энциклику «Pacem in Terris», где заявляет: «...людей преследует кошмарный призрак урагана, который может разразиться в любую минуту с невообразимой разрушительной силой». Причиной сложившегося положения дел Папа полагает страх и недоверие, перемены — в переходе от недоверия к сотрудничеству: «...к сожалению, среди народов часто царствуют законы страха. Это побуждает их, как они говорят, расточать баснословные средства на вооружение не для того, чтобы нападать — и нет оснований не верить им, — а для того, чтобы убедить других отказаться от нападения. Однако можно надеяться, что люди на встречах и переговорах смогут осознать узы, которыми они связаны, исходящие от общей человеческой природы, и осознают, что одна из самых сокровенных потребностей — чтобы между ними и, следовательно, народами царствовал не страх, а любовь, которая выражается в лояльном, разностороннем, благотворном сотрудничестве»⁸.

Возможно, схожие причины побудили указать в преамбуле Заключительного акта на то, что «солидарность между народами, как и общность стремления

⁶ Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Утверждены Президентом Российской Федерации 18 декабря 2010 г. 18.12.2010. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1751584/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000e5dc64830079aa8edfdbb5b4ae58657c7eb88b5ae39ac5a2a4a837c034c07fce0839741787143000d2436ef9d49d15491835d0c0d6b428e2ee0aad6a49aa582cba4181ec3fd1a4b3a0555607f37f4668896149683308100f (дата обращения: 01.03.2024).

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 01.03.2024).

⁸ Pacem In Terris. Encyclical of Pope John XXIII on Establishing Universal Peace in Truth, Justice, Charity, and Liberty. April 11, 1963. URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (дата обращения: 23.02.2024).

государств-участников к достижению целей, как они выдвинуты Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе, должны вести к развитию лучших и более тесных отношений между ними во всех областях и, таким образом, к преодолению противостояния, проистекающего из характера их отношений в прошлом, и к лучшему взаимопониманию»⁹. Проблема понимания в условиях, когда последствия возможной ошибки в определении намерений оппонента и, как следствие, восприятия мнимой угрозы как реальной, резко возросли, и могли привести не только к взаимному уничтожению, но и уничтожению всего человечества, становится весьма и весьма актуальной.

Настаивая на гуманитаризме в «хельсинкском» духе, мы упускаем из виду главное — гуманитарная составляющая — постулирование единства человечества в духе А. Дюнана, Дж. Мадзини и О. Конта, заявлявших о искусственном разделении единого «тела» государственными границами [1; 2; 3; 4], остальное же лишь средства преодоления этих преград, каналы, обеспечивающие обмен информацией. Принятие позиции оппонента, даже понимание, не является непрямым следствием отправленного и полученного информационного сообщения, но, вместе с тем, понимание недостижимо в условиях, когда этот обмен невозможен. Гуманитарная деятельность направлена на формирование единого ценностного пространства, которое обеспечит одинаковую интерпретацию коммуникативного действия.

Остальное же — развитие связей в области культуры и образования, более широкое и недискриминируемое распространение информации, контакты между людьми, поддержка русского языка — всего лишь условия и каналы коммуникативного обмена. Проблема в том, что, сосредоточившись на каналах коммуникации, игнорируя гуманитарно-ценностную основу, отечественный вариант гуманитаризма обеспечивает возможность говорить, но не быть услышанными и понятыми. Настаивать, с упорством, заслуживающим лучшего применения, что цели гуманитарной политики России: «формирование и укрепление объективного восприятия нашей страны в мире, содействие пониманию исторического пути, роли и места России в мировой истории и культуре, расширение контактов между людьми»¹⁰ — подменять цели средствами их достижения.

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

Допустимы вопросы. Во-первых, что значит объективное восприятие? Медиа, под которым понимаются не только традиционные СМИ, но и пользовательские «новые медиа», мессенджеры, социальные медиа, а также все технические средства производства, передачи, воспроизведения и потребления медиаконтента [5, р. 3], исключают объективность. Еще в начале девяностых Джанни Ваттимо, итальянский политик и философ, заявил о коллапсе единой для всех «правды» [6, pp. 66–71], а что-то поменялось сегодня? Нет. В 2017 году Словарь английского

⁹ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁰ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 17.10.2022 № 747). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611. 17.10.2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTaEA16OU.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

языка Collins назвал «fake news» словом года¹¹, а с 2018 года практически все «глобальные» страны и организации вырабатывают стратегии борьбы с недостоверной информацией и, кстати, наперебой отказываются от употребления термина «fake news», заменяя его эвфемизмами¹². Построены системы модерации и премодерации контента, которые управляются не нами и, увы, не в наших интересах¹³.

Начиная с 2022 года интернет-платформы осуществляют блокировку каналов российских медиа, маркируют аккаунты российских информационных агентств в социальных сетях, запрещают или затрудняют монетизацию контента частных российских интернет-каналов. В августе прошлого года заместитель руководителя Россотрудничества, Д. Поликанов заявляет о невозможности трансляции российской позиции во вне: «...после февраля 2022 г., когда в одночасье были свернуты зарубежные эфиры основных российских телеканалов в недружественных странах, введены санкции против отечественных СМИ, прерван экспертный диалог, а внутри страны были объявлены экстремистскими большинство западных соцсетей и заблокированы трансграничные платежи (что заметно осложнило работу на иностранную аудиторию, в том числе оплату рекламы и продвижения). В итоге оказалось, что у России за границей осталось

мало инфраструктуры для донесения своей точки зрения за исключением российских загранучреждений»¹⁴.

Так почему и откуда такая «уверенность» в способности донести отечественную точку зрения до мировой общественности в условиях, когда Россия не контролирует источники информации и каналы коммуникации, а российские дипломаты дают интервью не ведущим мировым СМИ и информационным агентствам, а отечественным изданиям?

Дело не сводится лишь к контролю каналов коммуникации. Заявляя об объективности своей позиции, то есть независимой от чего-либо мнения, суждений и представлений, мы, тем самым, исключаем возможность дискуссии — невозможно обсуждать очевидное. Но именно это и ставит под вопрос успешность гуманитарного посыла России — игнорируется современная природа масс-медиа, которые неизбежно выступают посредником между источником и адресатом послания. В основе коммуникационного взаимодействия и, как следствие, массовой коммуникации, лежат цифровые платформы, выступающие в качестве цифровой инфраструктуры, позволяющей взаимодействовать ключевым коммуникантам, которыми выступают, в том числе, и традиционные СМИ. Но в этом случае ценность приобретает даже не качество

¹¹ Collins Language Lovers Blog. URL: <https://blog.collinsdictionary.com/language-lovers/collins-2017-word-of-the-year-shortlist/#:~:text=Fake%20news%20has%20been%20announced,Word%20of%20the%20Year%202017> (дата обращения: 13.02.2024).

¹² Hern A. MPs warned against term 'fake news' for first live committee hearing outside UK. 18.02.2017. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/07/commons-committee-must-not-use-term-fake-news-in-us-hearing> (дата обращения: 29.02.2024).

¹³ Stolton S. Digital agenda: Autumn. Winter Policy Briefing. 17.05.2021. URL: <https://www.euractiv.com/section/digital/news/digital-agenda-autumn-winter-policy-briefing/> (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁴ Поликанов Д. О возможностях Россотрудничества и потенциале развития ведомства. 22.08.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-vozmozhnostyakh-rossotrudnichestva-i-potentsiale-razvitiya-vedomstva/> (дата обращения: 29.02.2024).

информации как таковой, а возможность с помощью информационного сообщения инициировать дискуссию, направляя и поддерживая ее в таком образом, который бы способствовал реализации внешнеполитических задач.

Во-вторых, даже предположив возможность неискаженной передачи информации — каково содержание гуманитарного послания России? Обращение к документам стратегического планирования, позволяет утверждать, что российский вариант гуманитарного послания сосредоточен на постулировании собственного величия, укоренённого в истории и покоящегося на достижениях предыдущих поколений. Почему-то считается, что рассказ о нашем славном историческом прошлом и вкладе России в мировую культуру, будет способствовать решению внешнеполитических задач. Однако упускается из виду, что обращение к истории, навязывание российского мастернарратива в качестве определяющего происходит в условиях активного нациестроительства на постсоветском пространстве и не только. Так, 19 сентября 2019 года была принята Резолюция Европейского парламента о важности европейской памяти для будущего Европы¹⁵, Китай включился в войну мастернарративов¹⁶, пересматривает историю, и не только национальную, Турция [7], под современные задачи адаптируют свою историю

США [8], страны Восточной Европы выстраивают свою идентичность, заявляя о себе как о жертвах советского империализма [9, с. 31]. Если бы целью гуманитарной политики России являлась конфронтация с теми, кто отстаивает свою интерпретацию истории, то это был бы удачный ход. Гуманитарный посыл всегда обращен в будущее, а навязываемая ретроспекция грозит обернуться нескончаемым противостоянием [10]. Совсем неслучайно в 1946 году Уинстон Черчилль, призывая к созданию Соединенных Штатов Европы, призывает к забвению: «...мы должны совершить «благословенный акт забвения». Мы все должны будем повернуться спиной к ужасам прошлого. Мы не можем позволить себе нести за собой через время ненависть и жажду мести, произрастающую из былых ран»¹⁷. Похожие призывы звучат и сегодня¹⁸.

Настаивая на собственной версии истории, Россия сталкивается и будет сталкиваться с активным противодействием со стороны тех, кто формирует новую идентичность — национальную ли, региональную, цивилизационную или глобальную. Уровень идентичности не важен, но в любом случае она опирается на три кита — историческое наследие, культуру и язык, как способ коммуникации.

Сосредоточив свои усилия на защите и продвижении исторической правды,

¹⁵ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)). 19.09.2019. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁶ Cai J. China mounts cultural offensive to win 'war of narratives' against US. Will other countries be swayed? 05.07.2023. URL: https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3226039/china-mounts-cultural-offensive-win-war-narratives-against-us-will-other-countries-be-swayed?campaign=3226039&module=perpetual_scroll_0&pctype=article (дата обращения: 23.02.2024).

¹⁷ Речь Уинстона Черчилля в Цюрихском университете 19 сентября 1946 г. 19.09.2017. URL: <https://diletant.media/articles/37281719/> (дата обращения: 29.02.2024).

¹⁸ Jenkins S. No more remembrance days — let's consign the 20th century to history. 09.11.2017. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/nov/09/no-more-remembrance-days-consign-20th-century-history> (дата обращения: 23.02.2024).

традиций и идеалов, присущих, зачастую, даже не России, а «Русскому миру», мы предлагаем отличную от других идентичность. Культура, как результат и основа идентичности, может быть «эффективным инструментом сглаживания противоречий между государствами и формирования объединительной международной повестки дня» лишь при определенных условиях. И уж точно не в условиях активного нациестроительства на постсоветском пространстве. Мария Малксо, исследователь из Эстонии, предлагает объяснение того, как идентичность, неважно — ее поиск, укрепление, реконфигурация или предложение, провоцирует противостояние: «Поскольку все государства стремятся укрепить не только свою физическую безопасность, но также и свое самовосприятие и свой собственный образ в системе международных отношений, одновременно добиваясь поддержки своих [национальных — А.Б.] нарративов “конституирующим другим”» [11, с. 95]. Россия для новых государств и государств, оказавшихся вне пределов советского влияния после 1989 году, становится конституирующим другим, позволяя этим странам утвердить свою идентичность на противопоставлении России.

Еще в 1923 году Лев Троцкий утверждал: «В корне неправильно противопоставление буржуазной культуре и буржуазному искусству пролетарской культуры и пролетарского искусства. Этих последних вообще не будет, так как пролетарский режим — временный и переходный. Исторический смысл и нравственное величие пролетарской революции в том, что она закладывает основы внеклассовой, первой подлинно человеческой культуры» [12, с. 8]. Троцкий рассматривает

не нации, он рассуждает в категориях классов и классовой борьбы, понимая под государством инструмент классового господства. Но он обращается к человечеству поверх государственных границ, предполагая и предлагая единство человечества.

ГУМАНИТАРНЫЙ ПРОЕКТ КАК ПРЕДЛОЖЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Возможность предложить культурную модель, которая будет не только приемлема, но и ожидаема для всех, может сгладить противоречия между народами. А вот может ли она сгладить противоречия между государствами? На этот вопрос нет однозначного ответа, но можно предположить, что такое возможно лишь при условии приемлемости подобной модели для политической элиты, эксплуатирующей государство. Это значит, что мы должны были быть готовы, в том числе и с точки зрения технического и организационного потенциала, к активному противодействию нашим усилиям. Готовы ли мы? В условиях, когда цифровая инфраструктура создана и контролируется не нами, а цифровые платформы не только осуществляют премодерацию и модерацию информации, но и блокируют каналы, которые всего лишь подозреваются в сотрудничестве с российскими информационными агентствами и органами государственной власти, а система образования иностранных государств находится вне пределов нашей досягаемости, вряд ли ответ на этот вопрос будет положительным.

В-третьих, к кому обращаемся? В Концепции гуманитарной политики России за рубежом содержится указание на то, что наше гуманитарное послание будет адресовано «максимально широкой

целевой аудитории»¹⁹, что, в принципе, не проясняет вопрос — кто является целевой аудиторией? Концепция внешней политики сосредоточена на содержательной части гуманитарного послания и не дает ответа — кому оно адресовано, но в разделе, посвященном информационному сопровождению внешнеполитической деятельности Российской Федерации, как адресат указывается «максимально широкая иностранная аудитория»²⁰. Создается впечатление, что наше послание адресовано лишь тем, кто его хочет слышать. Подобная ситуация отражает два принципиальных момента, о которых частично упоминалось выше.

Первый заключается в несформулированности целей российской гуманитарной политики. В самом деле, трудно предположить в качестве конечных целей гуманитарного сотрудничества формирование ее позитивного восприятия за рубежом, укрепление позиций русского языка в мире, противодействие кампании русофобии, повышение взаимопонимания и укрепления доверия между государствами²¹. Все вышеперечисленное не отвечает на вопрос — для чего этого стоит добиваться. И предполагает ответов — как измерить динамику позитивного восприятия России в связи с мероприятиями, реализуемыми в рамках гуманитарного сотрудничества, определить

эффективность противодействия кампании русофобии, связать укрепление позиций русского языка с усилиями в этой области Россотрудничества или фонда «Русский мир». Принципиальная неизмеримость указанных параметров делает возможным в качестве показателей эффективности гуманитарной деятельности использовать простое перечисление мероприятий, проводимых организациями, идентифицирующих себя как «гуманитарные» и инструменты «мягкой силы», с необязательным указанием некоторого количества участников. Не случайно в паспорте подпрограммы «Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества...» государственной программы «Внешнеполитическая деятельность», в качестве цели заявлено: «Развитие активности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию»²². Это позволяет пренебрегать изучением и сегментированием аудитории, организуя и проводя мероприятия, нацеленные на тех, до кого удалось «дотянуться».

Второй — революционные изменения в области информационного обмена. Если основатель и первый руководитель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Ольга Давыдовна Каменева, утверждала, что ее ключевой

¹⁹ Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 17.10.2022 № 747). Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611. 17.10.2022. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/G3CkAuMhZXio8AzNaweT3wTGTaEA16OU.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

²⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 01.03.2024).

²¹ Там же.

²² Распоряжение Правительства РФ от 20.03.2013 N 386-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Внешнеполитическая деятельность»». 20.03.2013. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143689/ (дата обращения: 29.02.2024).

аудиторией является интеллигенция, которая «в буржуазных странах играет доминирующую роль» [13, с. 77], то это заявление лишь отражало специфику современного ей состояния массовых коммуникаций, когда содержание ограниченного и управляемого количества СМИ, формировалось теми, кого О. Б. Каменева называла «интеллигенцией». Но сейчас любой человек, имеющий под рукой устройства ввода данных и доступ в Интернет сам становится средством массовой информации. Показательны исследования в области медиапотребления и новостной цифровой повестки Pew Research Center, где в качестве ключевых тенденций определяющих, как граждане США получают информацию об окружающем мире, указываются: большинство американцев получают новости из социальных сетей; растет скептицизм в отношении традиционных СМИ и особенно новостных агентств; растет число альтернативных источников новостей; политическая поляризация отражается на информационные предпочтения²³. В условиях глобального информационного общества, взрывного развития цифровых технологий, ситуация изменилась — гиперсвязанном мире наличествует постоянно расширяющийся выбор источников информации и каналов коммуникации, превращающий внимание к информационному посланию в дефицитный ресурс. Перманентно раскалывающаяся аудитория не может быть локализована.

Можно предположить, что целью гуманитарного сотрудничества России может и должна быть не некая социальная группа, которую готова приять нашу идентичность, а, во-первых, лица, определяющие функционирование цифровых платформ,

предоставляющих пространство для социального взаимодействия и определяющие его порядок, позволяющих генерировать нарративы и актуальную повестку дня; во-вторых, сам процесс взаимодействия на цифровых платформах, который будет способствовать поиску решений проблем, затрагивающих национальные интересы России, дискуссии, продвигающие выгодную для России, но не аффилированную с ней повестку дня. Подобный подход требует конкретики в целеполагании, которое не должно сводиться к перечислению приемлемых и предпочитаемых каналов коммуникации, а предлагать глобальную альтернативу, принципиально реализуемую и разделяемую, но которая будет отражать российские интересы.

Заявления о несправедливости мирового порядка — давно трюизм, с которым согласны практически все, но подобные заявления не указывают на то, какой порядок может быть справедливым и почему. Еще в 2009 г. президент Фонда эффективной политики Г.Павловский, комментируя «мюнхенскую речь» В.Путина, указал на схожую проблему: «Россия говорила от имени тех, кто исключен Америкой из управления современным миром, она выступала представителем мира непризнанных. ... Но ... она говорила языком национальной силы и не предлагала другим альтернативы («многополярный мир» — реальность, но не альтернатива). Глобализм Буша отвергался, однако иной глобализм Россией предложен не был — даже для постсоветского пространства. Это не был язык ценностей, это не был язык новых стандартов. Доктринальная слабость Мюнхенской речи — не в радикализме ее риторики, а в не проработке

²³ Matsa K.E. Introducing the Pew-Knight Initiative. 21.02.2024. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/02/21/introducing-the-pew-knight-initiative/> (дата обращения: 23.02.2024).

стандартов политики для нового, постамериканского мира»²⁴. Можно предположить, что недостаточный уровень поддержки России, выражающийся, в том числе, и в результатах голосования в ООН, по-прежнему кроется в «непредложении» внятной альтернативы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно предположить, что целью гуманитарного сотрудничества может быть формирование глобальной структуры поддержки отечественных внешнеполитических инициатив, представляющую собой сложную сеть связей и петель обратной связи, густую сеть взаимодействий с движением идей, людей, технологий, продуктов и денег, обеспечивающей волновые эффекты, расширяющих влияние России и формируя новые зависимости. Но создание сети невозможно

вне внятной цели, привлекательной для потенциальных участников сетевого взаимодействия, готовых предоставлять ресурсы и соглашающихся на координирующие усилия России. Вне цели, вне разделяемой альтернативы, создание подобной сети невозможно. Объясняя успех СССР в противостоянии Западу, А. Дж. Тойнби заявил: «... русские бросили на чашу весов мировоззрение: и этот духовный инструмент способен перевесить материальные орудия Запада» [14, с. 217]. Время для подобного инструмента пришло. В противном случае буде расти количество организаций, получающих финансирование из бюджета, множиться регламентирующих документов и документов стратегического планирования в сфере гуманитарного сотрудничества, но проблемы, которых накопилось предостаточно — не будут решены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мадзини Дж. Обязанности человека. Москва: Издательский дом «Дело»; 2023. 224 с.
2. Carlton F.T. Humanitarianism, Past and Present. *International Journal of Ethics*. 1906;17(1):48–55.
3. Hoffman P.J., Weiss T.G. Humanitarianism, War, and Politics. Solferino to Syria and Beyond. New York: Rowman & Littlefield Publishers; 2017. 344 p.
4. Pickering M. Auguste Comte: An Intellectual Biography, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press; 1993. 792 p.
5. Adams P.C. Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction. London: Wiley-Blackwell; 2009. 288 p.
6. Vattimo G. The Transparent Society. Cambridge, UK: Polity; 1992. 129 p.
7. Karpat K.H. Studies on ottoman social and political history: selected articles and essays. Leiden; Boston; Koln: Brill; 2002. 860 p.
8. Медведева О.О. Американский мультикультурализм: интеллектуальная история и социально-политический контекст. Москва: Издательский дом «Дело»; 2016. 448 с.
9. Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации. Москва: Новое литературное обозрение; 2022. 512 с.
10. Rieff D. In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies. New Haven: Yale University Press; 2016. 160 p.
11. Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика. В Малинова О.Ю., отв. ред. Символическая политика: Сборник научных

²⁴ Павловский Г.В. Консенсус ищет столицу. «ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия» №49, 2009. URL: http://intelros.ru/readroom/newsletter/newsletter_49/5806-konsensus-ishhet-stolicu.html (дата обращения: 29.02.2024).

- трудов. Выпуск 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Москва: ИНИОН РАН; 2012. 334 с.
12. Троцкий Л.Д. Литература и революция. Москва: АСТ; 2023. 252 с.
 13. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. Москва: Новое литературное обозрение; 2015. 568 с.
 14. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. Москва: Академический проект; 2022. 661 с.

REFERENCES

1. Mazzini G. The Duties of Man. Moscow: Publishing House "Delo"; 2023. 224 p. (In Russ)
2. Carlton F.T. Humanitarianism, Past and Present. *International Journal of Ethics*. 1906;17(1):48–55.
3. Hoffman P.J., Weiss T.G. Humanitarianism, War, and Politics. Solferino to Syria and Beyond. New York: Rowman & Littlefield Publishers; 2017. 344 p.
4. Pickering M. Auguste Comte: An Intellectual Biography, vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press; 1993. 792 p.
5. Adams P.C. Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction. London: Wiley-Blackwell; 2009. 288 p.
6. Vattimo G. The Transparent Society. Cambridge, UK: Polity; 1992. 129 p.
7. Karpat K.H. Studies on ottoman social and political history: selected articles and essays. Leiden; Boston; Koln: Brill; 2002. 860 p.
8. Medvedeva O. American Multiculturalism: Intellectual History and Social and Political Context. Moscow: Publishing House "Delo"; 2016. 448 p. (In Russ)
9. Assman A. European Dream. Reinventing nation. Moscow: New Literature Review; 2022. 512 p. (In Russ)
10. Rieff D. In Praise of Forgetting: Historical Memory and Its Ironies. New Haven: Yale University Press; 2016. 160 p.
11. Torbakov I.B. An "unpredictable" or "uncertain" past? International relations and Russian historical politics. In Malinova O.Yu., ed., Symbolic politics: Collection of scientific works. Issue 1: Construction of ideas about the past as a power resource. Moscow: INION RAS; 2012. 334 p. (In Russ)
12. Trotsky L.D. Literature and revolution. Moscow: AST Publishing House; 2023. 252 p. (In Russ)
13. David-Fox M. Showcases of the great experiment. Cultural diplomacy of the Soviet Union and its Western guests, 1921–1941. Moscow: New Literature Review; 2015. 568 p. (In Russ)
14. Toynbee A.J. Civilization before the court of history: Collection. Moscow: Academic Project; 2022. 661 p. (In Russ)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей В. Борисов, Кандидат философских наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
aborisof@gmail.com

Alexey V. Borisov, Ph.D. (Philosophy), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
aborisof@gmail.com

Этническая фракционализация и неравенство доходов: на примере Казахстана

Вячеслав Ю. Додонов

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан, dodonovv@mail.ru

Аннотация: Этническое разнообразие населения оказывает влияние на многие социальные аспекты, что обуславливает пристальный научный интерес к данной сфере. Многие авторы детально исследовали влияние этнической неоднородности на конфликты, социальную нестабильность, внутреннюю политику и многие другие социальные и культурные аспекты. В то же время, взаимосвязь между этнической фракционализацией и экономическими параметрами остается недостаточно изученной, что оставляет широкое поле для соответствующих исследований, особенно на уровне отдельных стран, так как большинство работ в этой области посвящено международным сопоставлениям. Одной из наиболее актуальных проблем в контексте этнической неоднородности населения можно признать ее взаимосвязь с неравенством доходов. Данная статья представляет результаты исследования взаимосвязи между этническим разнообразием населения, оцениваемой на основе Индекса этно-лингвистической фракционализации (ЭЛФ) и двумя показателями, характеризующими неравенство доходов — коэффициентом Джини и коэффициентом фондов. Анализ этой взаимосвязи выполнен на примере одной страны — Казахстана — посредством сравнительного анализа указанных индикаторов для семнадцати ее регионов. Результаты проведенного анализа показали наличие устойчивой и выраженной взаимосвязи, проявляющейся в увеличении неравенства доходов по мере роста этнического разнообразия регионов. В наиболее этнически однородных регионах индикаторы неравенства доходов оказались близки к минимальным по выборке значениям, тогда как в наиболее этнически разнородных регионах эти индикаторы были намного выше среднего уровня. Также была выявлена заметная корреляция между этнической фракционализацией и показателями неравенства доходов. Полученные результаты в целом корреспондируются с результатами многих работ, анализировавших данные взаимосвязи посредством межстрановых сопоставлений, но в случае Казахстана они оказались более отчетливыми, что можно интерпретировать как подтверждение наличия взаимосвязи между этническим разнообразием и неравенством доходов населения.

Ключевые слова: этническая фракционализация, индекс ЭЛФ, неравенство доходов, эффекты этнического разнообразия, коэффициент Джини, коэффициент фондов, Казахстан

Для цитирования: Додонов В.Ю. Этническая фракционализация и неравенство доходов: на примере Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):45–60. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-45-60>

Поступила 16.01.2024

Принята в печать 24.02.2024

Опубликована 30.03.2024

Ethnic fractionalization and income inequality: the case of Kazakhstan

Vyacheslav Yu. Dodonov

*Institute of Philosophy Political Science and Religious Studies
by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education
of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan,*

dodonovv@mail.ru

Abstract: Ethnic diversity has an impact on many areas of social life, which has led to an extensive layer of research on relationships in this area. Many authors have studied in detail the impact of ethnic diversity on conflicts, instability, domestic politics, other various social and cultural aspects. At the same time, the relationship between ethnic fractionalization and economic parameters remains insufficiently studied, which leaves a wide field for relevant research, especially at the level of individual countries, since most of the work is devoted to cross-country comparative analysis of the relevant parameters. One of the most actual problems in the context of ethnic heterogeneity is its relationship with income inequality. This article presents the results of a study of the relationship between ethnic diversity, estimated on the basis of the ethno-linguistic fractionalization (ELF) index, and two indicators of income inequality — the Gini coefficient and the inter-decile income share ratio (S90/S10). The analysis of this relationship was carried out on the example of one country — Kazakhstan — by comparing the corresponding indicators for seventeen regions. The results of the analysis showed the presence of a stable and noticeable relationship, expressed in the growth of income inequality as ethnic diversity grows in the regions of the country. It was revealed that in the most ethnically homogeneous regions, income inequality indicators are minimal, while in the most ethnically diverse regions they are much higher. A significant correlation was also found between ethnic fractionalization and indicators of income inequality. The results obtained are generally correspond to the results of a number of cross-country studies, but in the case of Kazakhstan they are more distinct, which can be interpreted as confirmation of the relationship between ethnic diversity and income inequality in general.

Keywords: ethnic fractionalization, ELF index, income inequality, ethnic diversity effects, Gini coefficient, inter-decile income share ratio, Kazakhstan

For citation: Dodonov V.Yu. Ethnic fractionalization and income inequality: the case of Kazakhstan. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):45–60. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-45-60>

Received 16.01.2024

Revised 24.02.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

Изучение взаимосвязи между этническим разнообразием населения и различными показателями социально-экономического развития имеет множество аспектов, отражая широкий спектр интересов авторов различных исследований. Большая часть работ в этой области посвящена международным сравнениям взаимосвязей между отдельными экономическими показателями и этническим разнообразием. Начиная с 1990-х годов в ряде исследований предпринимались попытки выявить зависимость между этническим разнообразием и темпами экономического роста, причем полученные результаты и их интерпретации были различными. Истерли и Левин [1] на примере африканских государств выявили, что страны с более разнообразным этническим составом имели более низкие темпы роста, Карнейн и Куинн [2] также обнаружили негативное влияние на экономический рост, которые расценили как следствие политической нестабильности и коррупции в странах с разнородным этническим составом. Ван Ставерен и Первайз [3], основываясь на обзоре ряда работ, отметили, что их результаты демонстрируют, что этническая фракционализация и поляризация оказывают статистически значимое негативное влияние на экономический рост. Кампос и Кузеев [4], однако, отмечали слабое влияние этнического разнообразия на рост ВВП на душу населения, но в то же время

констатировали отрицательную взаимосвязь между увеличением этого разнообразия и экономическим ростом в постсоциалистических странах.

Попытки выявить взаимосвязь между этническим разнообразием и экономическим ростом предпринимались также на уровне отдельных крупных стран. Динсер и Ван [5] обнаружили отрицательную взаимосвязь между этническим разнообразием и экономическим ростом в китайских провинциях, что согласуется с результатами большинства международных исследований. Напротив, Буфетова и другие [6] положительно оценили влияние национального разнообразия на экономическое развитие российских регионов на основе регрессионного анализа.

Таким образом, в процессе изучения отдельными авторами взаимосвязи между этническим разнообразием и экономическим ростом в различных странах и их группах были получены весьма разнообразные результаты, а интерпретация этих результатов менялась в процессе углубления и расширения соответствующих исследований: «первоначальный отрицательный эффект первого порядка влияния этнического разнообразия на экономический рост был поставлен под сомнение» [6, с. 145]. Также эволюционировали и трактовки других чрезмерно прямолинейных взаимосвязей социально-экономических показателей с этническим разнообразием. В частности, тезис о том,

что страны с более высоким уровнем этнической фракционализации, как правило, предоставляют меньше общественных благ, был оспорен Виммером [7], который на примере азиатских и африканских стран показал, что этническое разнообразие не всегда является препятствием для формирования государств коренных народов с современными стандартами обеспечения общественными благами. Следует также отметить, что в некоторых исследованиях имеются спорные методологические особенности, которые ставят под сомнение правильность интерпретации полученных результатов. Например, в одной из классических работ по этому вопросу (Алесина и др., [8]) авторы, анализируя взаимосвязь между экономическим ростом (который рассматривался через показатель ВВП на душу населения) и этнической фракционализацией, заявили, что была выявлена высокая отрицательная корреляция между этими показателями, хотя значение коэффициента корреляции составило $-0,471$ — уровень, расцениваемый (в частности, в соответствии со шкалой Чеддока) не как высокий, а как умеренный. Изучение соответствующих показателей для отдельных стран позволило авторам этой работы уточнить количественное измерение этой корреляции: «разница в годовом росте между Южной Кореей и Угандой до 1,77 процентных пункта может быть объяснена различной степенью этнической фракционализации» [8, с.166]. На наш взгляд, такое объяснение разницы в показателях экономического роста между странами со столь отличными экономическими моделями

и условиями представляется необоснованным, поскольку оно не учитывает многие факторы, влияющие на показатели экономического развития, помимо этнического разнообразия.

В отношении инструментария данных исследований, можно отметить, что за последние десятилетия преобладающим методом оценки этнического разнообразия стал индекс этнолингвистической фракционализации (Ethno-linguistic Fractionalization Index — ELF), базирующийся на индексе Херфиндаля-Хиршмана, оценивающем уровень концентрации. Данный индикатор обосновывается в качестве наиболее подходящего инструмента для оценки уровня этнического разнообразия командой авторов в цитируемой выше работе Алесины и др. Индекс ЭЛФ рассчитывается по следующей формуле и характеризует степень неоднородности общества по выбранным критериям, например, этническому, языковому, религиозному и пр.

$$n$$

$$ELF = 1 - \sum_{i=1}^n (n_i)^2,$$

где n_i — доля в i -той этнической группы в общей численности населения, N — количество таких групп.

Индекс ЭЛФ¹ принимает значения от 0 до 1 и показывает вероятность того, что два случайно выбранных человека имеют разную этническую принадлежность. Чем выше значение индекса, тем выше неоднородность общества. Этот индекс является не единственным инструментом измерения этнического разнообразия. Для этой цели используется широкий

¹ Некоторые авторы называют этот показатель просто фракционированием или меняют название в зависимости от предмета исследования, например, называя его ЭФ для этнической фракционирования, без лингвистического фактора, и т.д. В настоящей статье будет использоваться аббревиатура ЭЛФ как наиболее устойчивое обозначение данного индикатора, хотя лингвистический аспект разнообразия населения анализироваться не будет.

спектр показателей — от доли преобладающей этнической группы до комплексных индексов, измеряющих национальную энтропию [9] и национальную поляризацию [10]. Индекс этнолингвистического фракционирования также неоднократно модифицировался рядом авторов, чтобы лучше отражать цели конкретных исследований [11; 12; 13], особенно в тех случаях, когда он использовался для измерения сложных лингвистических особенностей сообществ [14] или исследования дополнительных аспектов (например, неравенства — [15]). Однако индекс ЭЛФ, очевидно, в настоящее время является наиболее распространенным инструментом оценки самого этнического разнообразия и его влияния на определенные социально-экономические параметры, несмотря на его критику за определенные методологические проблемы [16; 17].

Помимо экономического роста, ряд работ посвящен влиянию этнической фракционализации (выражаемой через индекс ЭЛФ) на отдельные сферы социально-экономического развития. Так, Алесина и Ла Феррара [18] отметили менее равномерное распределение общественных благ в странах с большим этническим разнообразием, Десмет и др. [19] исследовали влияние языковой неоднородности на распределение общественных благ, Васильева и Рожина [20] рассмотрели влияние этнического разнообразия на диверсификацию экономики, Карабалло и Буитраго [21] выявили взаимосвязь между этническим разнообразием и уровнем образования и т.д.

Одним из наиболее актуальных и острых, на наш взгляд, вопросов, связанных с влиянием этнического разнообразия на характеристики социально-экономического развития, является оценка взаимосвязи между этим разнообразием и неравенством доходов, измеряемая с помощью коэффициента

Джини и аналогичных показателей. Этот вопрос до сих пор недостаточно изучен — в этом контексте мы можем упомянуть ряд немногочисленных работ, в которых была предпринята попытка изучить соответствующие взаимосвязи. Барро [22] не обнаружил какой-либо значимой взаимосвязи между этнолингвистической (а также религиозной) фракционализацией и коэффициентом Джини, Хотард [23], изучив базу данных по 159 странам, обнаружил корреляцию между индексом ЭЛФ и коэффициентом Джини, равную 0,35, т.е. слабую взаимосвязь. Штурм и Де Хаан [15] обнаружили, что влияние этнолингвистической фракционализации на перераспределение доходов зависит от уровня экономической свободы в отдельных странах (что, по сути, оставило вопрос о таком влиянии открытым). Кейси и Оуэн, в том числе используя коэффициент Джини, обнаружили, что «этническая фракционализация влияет на уровень дохода» [24, с.44].

Все немногочисленные исследования, упомянутые выше, имели международный характер, то есть отражали результаты сравнения показателей разных стран и их групп, иногда отдельных континентов (Ходлер и др. [25], Миланович [26]). На уровне отдельных стран эта проблема практически не изучалась — имеются лишь отдельные исследования взаимосвязи между этническим разнообразием и неравенством доходов внутри одного государства. Динсер и Ламберт [27], изучая взаимосвязь этнической фракционализации и этнической поляризации с неравенством доходов в отдельных штатах США, обнаружили, что это неравенство сопровождается увеличением уровня фракционализации (переход от этнической однородности к этническому разнообразию увеличивает коэффициент Джини). Чадха и Нандвани [28], исследуя взаимосвязь

между этнической фракционированностью и неравенством в Индии, обнаружили, что в более фрагментированных районах общее неравенство выше. Мюллер [29] исследовал влияние этнического разнообразия на деятельность сообществ в Индонезии. Таким образом, изучение гипотетической взаимосвязи между этнической фракционализацией и показателями неравенства доходов на примере одной страны (Казахстана) вносит определенный вклад в изучение данной проблемы.

ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Для оценки взаимосвязи этнического разнообразия и неравенства доходов в настоящем исследовании использованы индекс этнического фракционирования с одной стороны, и коэффициент Джини и коэффициент фондов (как индикаторы дифференциации доходов) — с другой. Индекс этнического фракционирования был рассчитан автором для семнадцати регионов Казахстана и для национального уровня на основе данных о национальном составе страны и регионов на начало 2022 года. Для расчетов использовались данные Национального бюро статистики, в которых фигурируют данные по численности и доле в населении семнадцати наиболее распространенным этносов Республики Казахстан (с удельным весом от 69,59 % до 0,09 %), а также совокупной доле остальных этнических групп (1,04 %)². Коэффициент Джини рассчитан Национальным бюро статистики по децильным группам, а коэффициент фондов (также данные Национального бюро

статистики) представляет соотношение между средними доходами населения в десятой и первой децильных группах. На начало 2022 года этнический состав населения Казахстана характеризовался преобладанием одного этноса (долей более 50 %) в 15 из 17 регионов, а удельный вес крупнейшего этноса по регионам колебался от 41,9 % (Костанайская область) до 96,5 % (Кызылординская область). Индекс ЭЛФ (в варианте только этнической фракционализации) составил 0,48 для Казахстана в целом и от 0,07 до 0,65 для семнадцати регионов. Значения индекса этнической фракционализации, коэффициента Джини и коэффициента фондов для Казахстана и семнадцати регионов приведены в таблице 1.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ФРАКЦИОНИЗАЦИИ И НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ

Для выявления взаимосвязей между этнической фракционализацией, выраженной через индекс ЭЛФ и показателями дифференциации доходов регионы Казахстана были ранжированы по убыванию значений индекса. Сопоставление этих значений и значений коэффициента Джини (рис.1) демонстрирует наличие определенных взаимосвязей, особенно выраженных среди регионов с максимальной этнической фракционализацией, в которых также наблюдаются и высокие значения коэффициента Джини. Также можно отметить и низкие значения этого коэффициента среди регионов с минимальной этнической фракционализацией.

² Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

Таблица 1.

Значения индекса этнической фракционализации, коэффициента Джини и коэффициента фондов по регионам Казахстана на начало 2022 года

	Индекс ЭЛФ	Коэффициент Джини по децильным группам	Коэффициент фондов, разы
Казахстан	0,48	0,294	5,96
Акмолинская	0,62	0,287	5,94
Актюбинская	0,28	0,285	5,22
Алматинская	0,45	0,28	5,38
Атырауская	0,13	0,222	3,78
Западно-Казахстанская	0,36	0,249	4,48
Жамбылская	0,45	0,22	3,86
Карагандинская	0,59	0,309	6,9
Костанайская	0,65	0,256	5,06
Кызылординская	0,07	0,23	4,23
Мангистауская	0,16	0,188	3,28
Павлодарская	0,59	0,312	6,51
Северо-Казахстанская	0,63	0,298	6,67
Туркестанская	0,40	0,192	3,42
Восточно-Казахстанская	0,49	0,319	6,78
Астана	0,33	0,259	4,73
Алматы	0,55	0,321	7,45
Шымкент	0,49	0,188	3,22

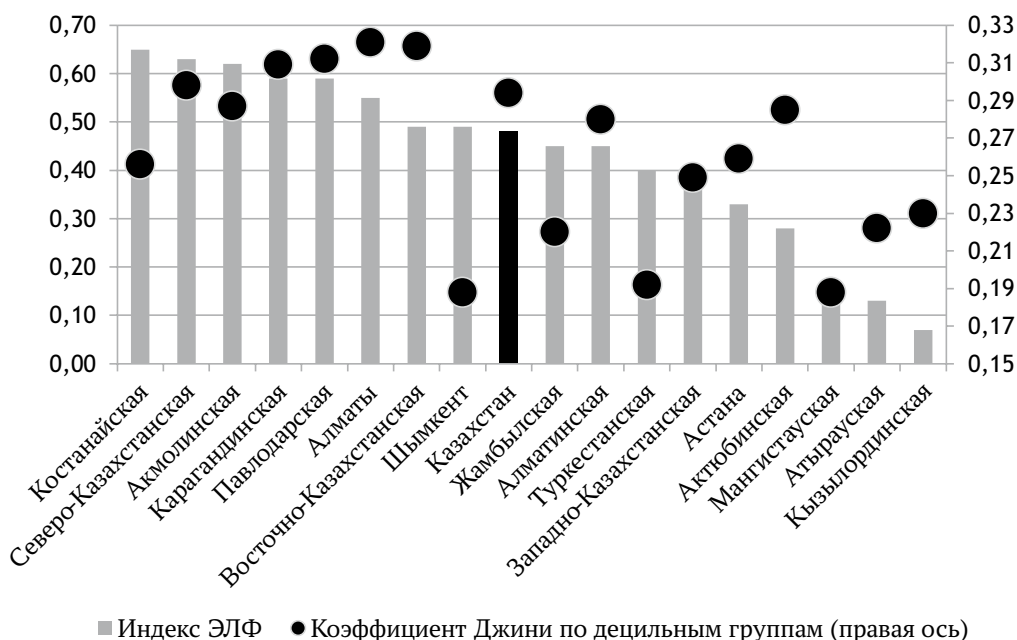
Источник: рассчитано на основе данных Национального агентства по статистике Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан³

³ Источники: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

Сходная, хотя несколько менее выраженная, картина наблюдается при сопоставлении индекса этнической фракционализации и коэффициента фондов (рис.2). В большинстве регионов Казахстана с высоким уровнем фракционализации отмечаются и максимальные значения коэффициента фондов, характеризующего разброс доходов, тогда как в регионах с минимальным этническим разнообразием значения коэффициента фондов.

Отмеченные на приведенных графиках соответствия между показателями этнической фракционализации и неравенства доходов подтверждаются и при анализе соответствующих индикаторов на основе группировки регионов по значению индекса ЭЛФ. В таблице 2 приведены средние значения данного индекса, коэффициента Джини и коэффициента фондов для групп регионов, выделенных на основе ранжирования значений этнического фракционирования. Приведенные данные

Рис. 1. Индекс ЭЛФ и коэффициент Джини по регионам Казахстана

Источник: рассчитано на основе данных Национального агентства по статистике Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан⁴

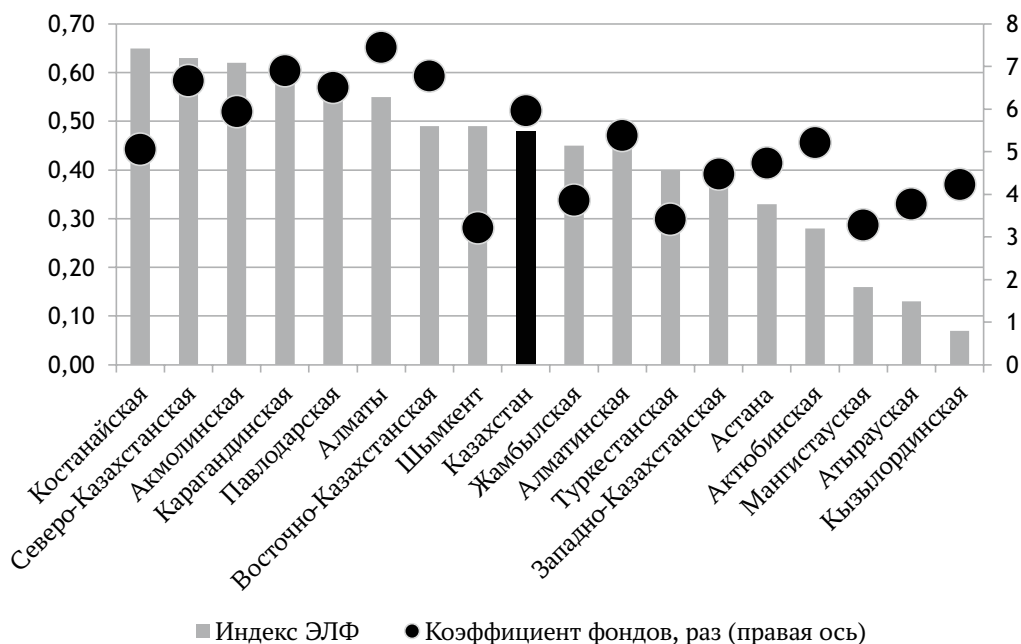
⁴ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023)..

демонстрируют постепенное возрастание средних значений коэффициента Джини и коэффициента фондов в трех выделенных группах по мере роста среднего значения индекса ЭЛФ. Данная закономерность наблюдается по обоим индикаторам неравенства доходов, что позволяет сделать вывод о наличии в Казахстане взаимосвязи между уровнем этнического фракционирования и дифференциацией доходов.

Такая закономерность наблюдается для обоих показателей неравенства

доходов, при этом можно отметить, что увеличение значения этнической фракционализации при выходе индекса ЭЛФ за определенный пороговый уровень (в данном случае около 0,5) сопровождается резким ростом показателей неравенства доходов. Таким образом, при значительном увеличении среднего значения индекса ЭЛФ между первой и второй группами регионов (на 169 %) увеличение среднего значения коэффициента Джини составило всего 6 %, а увеличение среднего значения

Рис.2. Индекс ЭЛФ и коэффициент фондов по регионам Казахстана

Источник: рассчитано на основе данных Национального агентства по статистике Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан⁵

⁵ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

коэффициента фондов — 10 %. Гораздо меньшее увеличение среднего значения индекса ЭЛФ в третьей группе регионов относительно аналогичного показателя во второй группе, на 42 %, сопровождалось значительно более интенсивным увеличением показателей неравенства. Среднее значение коэффициента Джини увеличилось на 10 %, а коэффициента фондов — на 41 %. Резкое увеличение неравенства отмечено после того, как индекс ЭЛФ достигает значения около 0,5, что соответствует примерно 60 процентам самой многочисленной этнической группы. То есть в регионах с максимальным этническим разнообразием, в которых доля преобладающей этнической группы составляет менее 60 %, показатели неравенства доходов значительно выше, чем в регионах с меньшим разнообразием, и выше средних значений этих показателей.

Эта закономерность позволяет нам сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между уровнем этнической фракционализации и неравенством доходов в Казахстане. Этот вывод подтверждается и анализом в обратном направлении — сравнением показателей неравенства доходов со средними значениями индекса ЭЛФ для групп регионов с максимальными и минимальными значениями показателей неравенства (таблица 3). Регионы с минимальными значениями коэффициента Джини и коэффициента фондов имеют среднее значение индекса ЭЛФ на уровне 0,35. Этот уровень значительно ниже аналогичных значений данного индикатора для регионов с максимальным средним значением коэффициента Джини (0,56) и коэффициента фондов (0,57). Таким образом, противоположные группы регионов по среднему групповому

Таблица 2.

Показатели дифференциации уровня жизни населения в соответствии с группами регионов по значению индекса ЭЛФ в сопоставлении со средними значениями

	0-0,3	0,31-0,5	0,51 и выше	Казахстан	Среднее значение
Количество регионов в группе	4	7	6		
Среднее значение Индекса ЭЛФ	0,16	0,43	0,61	0,43	0,57
Среднее значение коэффициента Джини	0,231	0,244	0,297	0,294	0,26
Среднее значение коэффициента фондов	4,13	4,55	6,42	5,96	5,11

Источник: рассчитано на основе данных Национального агентства по статистике Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан⁶

⁶ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

значению индекса ЭЛФ также имеют противоположные позиции по средним значениям показателей неравенства доходов, что подтверждает наличие взаимосвязи между этническим разнообразием и дифференциацией доходов в Казахстане.

Также в данном случае уместно отметить, что значение индекса этнической фракционализации в группе регионов с минимальной дифференциацией доходов значительно ниже среднего по 17 регионам (0,57) и ниже показателя для Казахстана (0,48). В группе регионов с максимальной дифференциацией

доходов ситуация иная — среднее значение индекса ЭЛФ в данном случае практически равно среднему значению по всем 17 регионам. Таким образом, существование взаимосвязи между неравенством доходов и этнической фракционализацией подтверждается и при приоритете показателей дифференциации доходов, с которыми сопоставляется индекс ЭЛФ, при этом более выраженной эта взаимосвязь является в регионах с минимальным неравенством доходов.

Наконец, наличие взаимосвязи между этнической фракционализацией

Таблица 3.

Сопоставление показателей дифференциации уровня жизни населения в регионах с их предельными значениями с индексом ЭЛФ

Минимальные значения коэффициента Джини (менее 0,2)	3 региона (Мангистауская обл., г. Шымкент, Туркестанская обл.)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,35
Максимальные значения коэффициента Джини (более 0,3)	4 региона (Карагандинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская обл., г. Алматы)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,56
Минимальные значения коэффициента фондов (менее 3,5)	3 региона (Мангистауская обл., г. Шымкент, Туркестанская обл.)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,35
Максимальные значения коэффициента фондов (более 6,5)	5 регионов (Карагандинская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская обл., г. Алматы)
Среднее значение индекса ЭЛФ для указанных регионов	0,57

Источник: рассчитано на основе данных Национального агентства по статистике Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан⁷

⁷ Источник: расчеты автора по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

и дифференциацией доходов подтверждаются и корреляционным анализом значений соответствующих индикаторов для семнадцати регионов Казахстана. Для повышения репрезентативности его результатов была рассчитана корреляции не только между значениями коэффициента Джини и коэффициента фондов, с одной стороны, и индекса ЭЛФ, но и между данными коэффициентами и удельным весом наиболее многочисленного этноса (который также отражает степень этнического разнообразия населения). Полученные коэффициенты корреляции (таб. 4) демонстрируют наличие заметной (в соответствии с градацией шкалы Чеддока) прямой взаимосвязи между индексом этнической фракционализации и коэффициентом Джини, а также между этим индексом и коэффициентом фондов. Несколько более выраженной является обратная корреляция между удельным весом наиболее многочисленного этноса и коэффициентами

Джини и фондов. Таким образом, и в данном случае можно констатировать наличие заметной взаимосвязи между этническим разнообразием населения регионов Казахстана и показателями неравенства доходов.

Рассматривая полученные результаты, уместно также отметить, что они не связаны с абсолютным уровнем доходов населения в регионах Казахстана. Так, в числе регионов с минимальными уровнями этнической фракционализации (Кызылординская, Атырауская и Мангистауская области) представлены все страты по уровню среднедушевых номинальных доходов. Атырауская область (индекс ЭЛФ равен 0,13, второе снизу значение) имеет максимальный уровень доходов по Казахстану, Кызылординская область (индекс ЭЛФ 0,07, минимальное значение) напротив, входит в число регионов с наименьшим уровнем среднедушевых доходов. Мангистауская область

Таблица 4.

Коэффициенты корреляции между индикаторами дифференциации уровня жизни и показателями этнического разнообразия регионов Казахстана

	Коэффициент Джини по децильным группам	Коэффициент фондов (соотношение 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного население), раз
Индекс ЭЛФ	0,558	0,630
Доля наиболее многочисленного этноса	-0,566	-0,645

Источник: рассчитано на основе данных Национального агентства по статистике Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан⁸

⁸ Рассчитано автором по данным из следующих источников: Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2022 года. Демографическая статистика. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/61/statistic/6> (дата обращения: 20.04.2023); Коэффициент Джини и коэффициент фондов по регионам. Статистика уровня жизни. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/64/statistic/7> (дата обращения: 20.04.2023).

(индекс ЭЛФ 0,16, третье снизу значение) имеет уровень доходов населения, немного превышающий средний. В трех регионах с максимальными уровнями этнической фракционализации (выше 0,6) уровни среднедушевых доходов имеют очень незначительный разброс и близки к среднему по Казахстану значению. Таким образом, какой-либо взаимосвязи между уровнем доходов и разнообразием этнического состава регионов Казахстана не прослеживается и влияние фактора абсолютного размера доходов на неравенство их распределения отсутствует.

РЕЗУЛЬТАТЫ

По результатам анализа показателей регионов Казахстана, сгруппированных по уровню индекса этнолингвистической фракционализации, выявлена взаимосвязь между средними значениями этого индекса и значениями показателей неравенства доходов. Эта взаимосвязь выражается в росте средних показателей коэффициента Джини и коэффициента фондов по мере увеличения среднего значения индекса ЭЛФ по группам регионов. В свою очередь, в регионах с минимальными значениями показателей неравенства доходов также отмечаются низкие значения коэффициента ЭЛФ, тогда как в регионах с высокими значениями коэффициента Джини и коэффициента фондов индекс ЭЛФ имеет значительно большие значения. Также можно сделать вывод, что существует определенный пороговый уровень этнической фракционализации (около 0,5 по индексу ЭЛФ, что соответствует примерно 60 процентам доли крупнейшей этнической группы в населении), превышение которого сопровождается более интенсивным увеличением показателей неравенства доходов. Также была выявлена умеренная корреляция между показателями этнического

разнообразия в регионах Казахстана и показателями неравенства доходов, при этом корреляция с коэффициентом фондов более отчетливой, чем с коэффициентом Джини. Наконец, не было обнаружено взаимосвязи между показателями этнической фракционализации и уровнем доходов населения в разных регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение значений индекса этнолингвистической фракционализации с показателями неравенства доходов на уровне регионов Казахстана по состоянию на начало 2022 года, а также корреляционный анализ этих параметров продемонстрировали наличие взаимосвязи между этническим разнообразием и неравенством доходов. В регионах с более однородным этническим составом наблюдаются более низкие значения коэффициента Джини и коэффициента фондов, которые увеличиваются по мере роста этнического разнообразия в регионах. Полученные результаты в целом согласуются с результатами многих межстрановых исследований, которые выявили взаимосвязь между этнической неоднородностью стран и неравномерностью распределения общественных благ. В то же время, в случае регионов Казахстана, взаимосвязь между этнической фракционализацией и неравенством доходов оказалась более отчетливой (в частности, она характеризовалась более высокими значениями коэффициентов корреляции), чем в ряде межстрановых исследований.

Полученные результаты оставляют простор для дальнейших исследований по различным аспектам этой проблемы. В частности, представляет интерес динамика изменений выявленной взаимосвязи между этническим разнообразием и неравенством доходов как внутри

страны, в разбивке по регионам, так и на национальном уровне. Изучение причин неравенства доходов в более этнически неоднородных регионах и конкретных механизмов влияния этнической фракционности на неравномерное распределение доходов также заслуживает внимания и обсуждения.

Статья подготовлена в рамках гранта № BR20280977 «Современные концептуальные подходы к содержанию справедливости и его внедрению в казахстанском обществе в контексте глобальной трансформации». Источник финансирования: Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions. *The quarterly journal of economics*. 11997;112(4):1203-1250
2. Karnane P., Quinn M. Political instability, ethnic fractionalization and economic growth. *International Economic Policy*. 2019;16:435-461. DOI:10.1007/s10368-017-0393-3
3. Van Staveren I., Pervaiz Z. Is it Ethnic Fractionalization or Social Exclusion, Which Affects Social Cohesion? *Soc Indic Res*. 2017;130(2):711-731. DOI:10.1007/s11205-015-1205-1
4. Campos N., Kuzeyev V. On the Dynamics of Ethnic Fractionalization. *American Journal of Political Science*. 2007;51(3):620-639. <http://www.jstor.org/stable/4620088>
5. Dincer O., Wang F. Ethnic diversity and economic growth in China. *Journal of Economic Policy Reform*. 2011;14(1):1-10.
6. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России. *Мир экономики и управления*. 2017;17(3):143-157. DOI:10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157
7. Wimmer A. Is Diversity Detrimental? Ethnic Fractionalization, Public Goods Provision, and the Historical Legacies of Stateness. *Comparative Political Studies*. 2016;49(11):1407-1445. DOI:10.1177/0010414015592645
8. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization. *Journal of Economic Growth*. 2003;8(2):155-194. <http://www.jstor.org/stable/40215942>
9. Wang Y. Decomposing the entropy index of racial diversity: in search of two types of variance. *Ann Reg Sci*. 2012;48:897-915. DOI:10.1007/s00168-010-0426-0
10. Esteban J., Ray D. On the measurement of polarization. *Econometrica*. 1994;62:819-851.
11. Bossert W., D'Ambrosio C., Ferrara E. A Generalized Index of Fractionalization. *Economica*. 2011;78. DOI:10.1111/j.1468-0335.2010.00844.x
12. Kolo P. Measuring a new aspect of ethnicity: The appropriate diversity index. *IAI Discussion Papers*. 2012;221:61.
13. Drazanova L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF). Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity. *Journal of Open Humanities Data*. 2020;6:6. DOI:10.5334/johd.16
14. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. The Political Economy of Linguistic Cleavages. *Journal of Development Economics*. 2012;97(2):322-338.
15. Sturm J., De Haan J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-Linguistic Fractionalization. *The American Economic Review*. 2015;105(5):593-597. <http://www.jstor.org/stable/43821951>
16. Fearon J. Ethnic and Cultural Diversity by Country. *Journal of Economic Growth*. 2003;8(2):195-222. DOI:10.1023/A:1024419522867
17. Posner D. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa. *American Journal of Political Science*. 2004;48(4):849-863. <https://doi.org/10.2307/1519937>
18. Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities. *Quarterly Journal of Economics*. 2000;115:847-904.
19. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. Linguistic Diversity and Redistribution. *Journal of the European Economic Association*. 2009;7(6):1291-1318.
20. Рожина Е. А. Оценка влияния этнического разнообразия в регионах России на диверсификацию экономики / Е. А. Рожина, Р. И. Васильева. Весенние дни науки: сборник докладов Международной конференции

- студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 21–23 апреля 2022 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2022; С. 1450–1453.
21. Caraballo M., Buitrago E. Ethnolinguistic Diversity and Education. A Successful Pairing. *Sustainability*. 2019;11(23):6625. DOI:10.3390/su11236625
 22. Barro R. Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*. 2000;5(1):5–32.
 23. Hotard M. Differences Lead to Differences: Diversity and Income Inequality Across Countries. *Master's Theses — Economics*. 2008. <https://ir.library.illinoisstate.edu/mte/13>
 24. Casey G., Owen A. Inequality and fractionalization. *World Development*. 2014;56:32–50.
 25. Hodler R., Srisuma S., Vesperoni A., Zurlinden N. Measuring Ethnic Stratification and its Effect on Trust in Africa. *CESifo Working Paper*. 2018:7405. DOI:10.2139/ssrn.3338759
 26. Milanovic B. Is inequality in Africa really different? *Policy Research Working Paper Series 3169*. The World Bank. Washington, DC: World Bank. 2003.
 27. Dincer O., Lambert P. Taking care of your own: ethnic and religious heterogeneity and income inequality. *Journal of Economic Studies*. 2012;39(3):290–313. DOI:10.1108/01443581211245883
 28. Chadha N., Nandwani B. Ethnic fragmentation, public good provision and inequality in India, 1988–2012. *Oxford Development Studies*. 2018;3:363–377. DOI:10.1080/13600818.2018.1434498
 29. Muller C. Ethnic inequality and community activities in Indonesia. *WIDER Working Paper Series*. World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). 2016:170.

REFERENCES:

1. Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions. *The quarterly journal of economics*. 1997;112(4):1203–1250
2. Karnane P., Quinn M. Political instability, ethnic fractionalization and economic growth. *International Economic Policy*. 2019;16:435–461 DOI:10.1007/s10368-017-0393-3
3. Van Staveren I., Pervaiz Z. Is it Ethnic Fractionalization or Social Exclusion, Which Affects Social Cohesion? *Social Indicators Research*. 2017;130(2):711–731. DOI: 10.1007/s11205-015-1205-1.
4. Campos N., Kuzeyev V. On the Dynamics of Ethnic Fractionalization. *American Journal of Political Science*. 2007;51(3):620–639 Available at: <http://www.jstor.org/stable/4620088>
5. Dincer O., Wang F. Ethnic diversity and economic growth in China. *Journal of Economic Policy Reform*. 2011;14(1):1–10
6. Bufetova A.N., Kolomak E.A., Mikhaleva M.M. National diversity and economic development of Russian regions. *World of Economics and Management*. 2017;17(3):143–157. DOI:10.25205/2542-0429-2017-17-3-143-157 (In Russ.)
7. Wimmer A. Is Diversity Detrimental? Ethnic Fractionalization, Public Goods Provision, and the Historical Legacies of Stateness. *Comparative Political Studies*. 2016;49(11):1407–1445. DOI:10.1177/0010414015592645
8. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization. *Journal of Economic Growth*. 2003;8(2):155–194. <http://www.jstor.org/stable/40215942>
9. Wang Y. Decomposing the entropy index of racial diversity: in search of two types of variance. *Ann Reg Sci*. 2012;48:897–915. DOI:10.1007/s00168-010-0426-0
10. Esteban J., Ray D. On the measurement of polarization. *Econometrica*. 1994;62:819–851.
11. Bossert W., D'Ambrosio C., Ferrara E. A Generalized Index of Fractionalization. *Economica*. 2011:78. DOI:10.1111/j.1468-0335.2010.00844.x
12. Kolo P. Measuring a new aspect of ethnicity: The appropriate diversity index. *IAI Discussion Papers*. 2012;221:61.
13. Drazanova L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF). Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity. *Journal of Open Humanities Data*. 2020;6:6. DOI:10.5334/johd.16
14. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. The Political Economy of Linguistic Cleavages. *Journal of Development Economics*. 2012;97(2):322–338.
15. Sturm J., De Haan J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-Linguistic Fractionalization. *The American Economic Review*. 2015;105(5):593–597. <http://www.jstor.org/stable/43821951>

16. Fearon J. Ethnic and Cultural Diversity by Country. *Journal of Economic Growth*. 2003;8(2):195–222. DOI:10.1023/A:1024419522867.
17. Posner D. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa. *American Journal of Political Science*. 2004;48(4):849–863. <https://doi.org/10.2307/1519937>
18. Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities. *Quarterly Journal of Economics*. 2000;115:847–904.
19. Desmet K., Ortuño-Ortín I., Wacziarg R. Linguistic Diversity and Redistribution. *Journal of the European Economic Association*. 2009;7(6):1291–1318.
20. Rozhina E. A. Assessing the influence of ethnic diversity in the regions of Russia on the diversification of the economy / E. A. Rozhina, R. I. Vasilyeva. Spring days of science: collection of reports of the International Conference of Students and Young Scientists (Ekaterinburg, April 21–23, 2022). Ekaterinburg: UrFU, 2022; C. 1450–1453 (In Russ.)
21. Caraballo M., Buitrago E. Ethnolinguistic Diversity and Education. A Successful Pairing. *Sustainability*. 2019;11(23):6625. DOI:10.3390/su11236625
22. Barro R. Inequality and Growth in a Panel of Countries. *Journal of Economic Growth*. 2000;5(1):5–32.
23. Hotard M. Differences Lead to Differences: Diversity and Income Inequality Across Countries. *Master's Theses — Economics*. 2008. <https://ir.library.illinoisstate.edu/mte/13>
24. Casey G., Owen A. Inequality and fractionalization. *World Development*. 2014;56:32–50.
25. Hodler R., Srisuma S., Vesperoni A., Zurlinden N. Measuring Ethnic Stratification and its Effect on Trust in Africa. *CESifo Working Paper*. 2018:7405. DOI:10.2139/ssrn.3338759
26. Milanovic B. Is inequality in Africa really different? *Policy Research Working Paper Series 3169*. The World Bank. Washington, DC: World Bank. 2003.
27. Dincer O., Lambert P. Taking care of your own: ethnic and religious heterogeneity and income inequality. *Journal of Economic Studies*. 2012;39(3):290–313. DOI:10.1108/01443581211245883
28. Chadha N., Nandwani B. Ethnic fragmentation, public good provision and inequality in India, 1988–2012. *Oxford Development Studies*. 2018;3:363–377. DOI:10.1080/13600818.2018.1434498
29. Muller C. Ethnic inequality and community activities in Indonesia. *WIDER Working Paper Series*. World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). 2016:170.

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR20280977 “Contemporary conceptual approaches to the content of Justice and its implementation in Kazakhstani society within the context of Global transformation”)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вячеслав Ю. Додонов, Доктор экономических наук, Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан; 050010, Республика Казахстан, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; dodonovv@mail.ru

Vyacheslav Yu. Dodonov, Doctor of Economics, Institute of Philosophy Political Science and Religious Studies by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan; bld. 29, str. Kurmangazy, Almaty, 050010, Kazakhstan; dodonovv@mail.ru

Развитие интеграции Союзного государства на современном этапе

Андрей Н. Захаров

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

anz11072000@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию текущего состояния интеграции Союзного государства в условиях современной трансформации мирового порядка. В статье выявлены причины сближения России и Белоруссии, которые позволили создать и развивать интеграционный проект. Несмотря на объективные трудности, два государства на протяжении длительного времени успешно развивают совместные экономические проекты. Особое внимание уделяется выявлению внешних факторов, влияющих на развитие Союзного государства. С момента создания Союзного государства западные страны проводили политику, направленную на ослабление потенциала интеграционного объединения. В статье исследуются последние годы деятельности Союзного государства, выявлено влияние санкционного давления, которое осуществляется на Россию и Белоруссию, а также проанализированы шаги, которые предпринимают руководители двух стран по дальнейшему развитию интеграционного проекта.

Ключевые слова: Россия, Белоруссия, Союзное государство, интеграция, развитие, безопасность, сотрудничество, ЕАЭС, ядерное оружие, защита

Для цитирования: Захаров А.Н. Развитие интеграции Союзного государства на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):61-70. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-61-70>

Поступила 17.01.2024

Принята в печать 13.02.2024

Опубликована 30.03.2024

The development of the integration of the Union State at the present stage

Andrey N. Zakharov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

anz11072000@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the current state of integration of the Union State in the context of the modern transformation of the world order. The article identifies the reasons for the rapprochement between Russia and Belarus which made it possible to create and develop the integration project. Despite the objective difficulties, the two states have been successfully developing joint economic projects for a long time. Special attention is paid to the identification of external factors affecting the development of the Union State. Since the creation of the Union State western countries have pursued a policy aimed at weakening the potential of the integration association. The article examines the last years of the Union State's activity, reveals the impact of sanctions pressure on Russia and Belarus, and analyzes the steps taken by the leaders of the two countries to further develop the integration project.

Keywords: Russia, Belarus, Union State, integration, development, security, cooperation, EAEU, nuclear weapons, protection

For citation: Zakharov A.N. The development of the integration of the Union State at the present stage. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):61–70. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-61-70>

Received 17.01.2024

Revised 13.02.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 2019 года, Российская Федерация и Республика Беларусь принимают меры, направленные на постепенное сближение двух стран: проводится работа, направленная на утверждение документов, закладывающих нормативно-правовую основу существования Союзного государства, а также происходит унификация национальных законодательств.

В последнее время наблюдается новое ускорение интеграции России и Белоруссии, вызванное прежде всего расширением масштаба внешних угроз.

Коллективный Запад развязал против России и Белоруссии гибридную войну, направленную на максимальное ослабление политических и экономических возможностей двух стран. Проявлением такой политики стало введение в отношении обоих государств санкций. В отношении Белоруссии они были расширены после выборов Президента страны 2020 года, в ходе которых была предпринята попытка государственного переворота, а в отношении России — после февраля 2022 года, когда началась специальная военная

операция. В этих условиях российскими и белорусскими властями было принято решение о расширении сотрудничества по широкому комплексу вопросов.

ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОГРАММЫ

В последние годы укреплению интеграции Союзного государства посвящено множество выступлений лидеров двух стран и упоминаний в нормативных правовых документах. Например, в «Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 года [1] Союзное государство фигурирует дважды: во-первых, в контексте поощрения отвечающих интересам России процессов региональной и межрегиональной экономической интеграции, прежде всего в рамках ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, а также в целях формирования Большого Евразийского партнёрства (статья 39, пункт 7) и, во-вторых, в рамках взаимодополняемости форматов взаимодействия между Россией и её союзниками и партнёрами в сфере обороны и безопасности (статья 49, пункт 2). Отдельно в документе прописано, что Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание стратегическому взаимодействию с Республикой Беларусь (статья 49, пункт 4).

Помимо утверждений общего характера, за последние четыре года были выработаны конкретные программы по дальнейшему союзному строительству. Например, 6 сентября 2019 года Премьер-министры Белоруссии и Российской Федерации Сергей Румас и Дмитрий Медведев парафировали программу развития интеграции в рамках Союзного государства и утвердили перечень из 31 дорожной карты реализации документа¹. С точки зрения

кандидата исторических наук С. Рекеды, российская сторона видит в подготовленных «дорожных картах» инструмент для разрешения наиболее сложных проблем в российско-белорусских отношениях [2]. Концепция этой программы подразумевает исполнение принципа «две страны — один рынок», что отсылает к деятельности другого постсоветского интеграционного объединения, в которое входят оба государства, — Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Через два года был дан новый импульс развитию интеграции: 10 сентября 2021 года в городе-герое Минске состоялось заседание Совета Министров Союзного государства [3]. В рамках этой правительственной встречи Премьер-министрами М. В. Мишустин и Р. А. Головченко были одобрены 28 Союзных программ. Они предусматривают сближение макроэкономической политики; гармонизацию денежно-кредитной политики, валютного контроля, регулирования финансового рынка, налогового и таможенного законодательства, требований в областях обеспечения информационной безопасности, противодействия финансовому терроризму и защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов; интеграцию платёжных и информационных систем; унификацию регулирования транспортного рынка, бухгалтерского учёта, требований к организации и осуществлению торговой деятельности, законодательства в сфере туристской деятельности; формирование объединённых рынков электрической энергии, газа, нефти и нефтепродуктов, единой аграрной и промышленной политик, единых принципов функционирования рынка связи и информатизации; развитие

¹ Премьер-министры Белоруссии и России парафировали программу интеграции // ТАСС. – 06.09.2019. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6854552> (дата обращения: 22.11.2023).

атомной энергетики; введение единых правил в области защиты прав потребителей, конкуренции, доступа к государственному заказу и государственным закупкам; проведение согласованной политики в социально-трудовой сфере. Стоит отметить, что выполнение этих масштабных задач проходит в непростых геополитических условиях, которые значительно осложняют интеграционный процесс, как минимум, с технологической точки зрения.

Наконец, 4 ноября 2021 года Президенты В. В. Путин и А. Г. Лукашенко подписали Декрет Союзного государства № 6, утвердив «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» [4]. За их воплощение в жизнь отвечают Правительства обеих стран, а также Центральный банк, Федеральная налоговая служба, Федеральная таможенная служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору, Федеральная служба по надзору в сфере транспорта, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Федеральное казначейство, Федеральное агентство по туризму, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», заинтересованные федеральные органы исполнительной власти и организации Российской Федерации и Национальный банк, Комитет государственного контроля, Национальный статистический комитет, Транспортная инспекция Министерства транспорта и коммуникаций, Государственный таможенный комитет, Государственный комитет по имуществу, концерн «Белнефтехим», Национальная

академия наук и иные компетентные органы Республики Беларусь.

Предварительные итоги выполнения положений стратегических документов были подведены 29 ноября 2023 года во время 53 заседания Совета Министров Союзного государства. Председатель Правительства Российской Федерации М. В. Мишустин подчеркнул, что выполнено большинство — около 90 % — из более чем 990 согласованных мероприятий. В общей сложности подготовлено 200 нормативных актов. Из них принято уже около 140 [5]. Стоит подчеркнуть, что ещё одним значимым достижением союзного строительства стало формирование двух новых органов Союзного государства: Межгосударственный центр по координации работы по управлению таможенными рисками и наднациональный налоговый комитет. Кроме того, было подсчитано, что, например, позитивный эффект для экономики Белоруссии после полного воплощения в жизнь всех союзных программ составит 120 миллиардов российских рублей ежегодно, что по своему объёму будет соразмерно примерно двум процентным пунктам ВВП страны. Необходимо отметить, что это заседание также было озаглавлено рассмотрением проекта «Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства» со сроком на ближайшие три года. Уже было заявлено, что в него войдут десять разделов. Итак, в настоящее время у Союзного государства была выработана полноценная стратегия развития, которая позволит создать устойчивую базу для дальнейшей интеграции.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Такое резкое увеличение нормативных правовых документов в рамках двустороннего сотрудничества обусловлено,

в частности, растущим уровнем торговли между двумя странами: в 2022 году товарооборот Белоруссии и России вырос до рекордных \$45 млрд (по белорусской статистике до \$50 млрд)². Помимо этого, стоит отметить, что только за девять месяцев 2023 года он уже составил \$35,5 млрд, что почти на 11 % больше, чем за аналогичный период 2022 года. Кроме того, быстрыми темпами идёт процесс дедолларизации двусторонних торговых отношений. Как отметил 12 апреля 2022 года замминистра экономического развития Российской Федерации Дмитрий Вольвач, сегодня расчёты между нашими странами за поставки уже более чем на 80 % проходят в нацвалютах, и он думает, что в ближайшее время этот процент будет существенно увеличен³. Нельзя также забывать и о том, что положительная динамика наблюдается в ЕАЭС в целом, о чём 6 апреля 2023 года было объявлено Премьер-министром Российской Федерации М. В. Мишустинным на встрече с депутатами Государственной думы: в 2022 году выросли на 15%, до \$80 млрд⁴. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что товарооборот в рамках Союзного государства — это примерно 60 % от всей внутриинтеграционной торговли в Евразийском экономическом союзе, что ставит экономические отношения России и Белоруссии на первое место в ЕАЭС.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Помимо экономического сотрудничества, текущее ускорение процессов

развития интеграции Союзного государства во многом связано с усилением международной напряжённости и ростом числа конфликтов как в мире, в целом, так и в Европе, в частности. Прежде всего подобные тенденции вызваны усилением противостояния между Россией и Белоруссией, с одной стороны, и западным блоком стран, с другой. Наиболее ярко столкновение интересов проявилось на примере украинского кризиса, который был начат в 2014 году под покровительством западных государств. В результате антиконституционного переворота к власти в Киеве пришли радикальные политические силы, главной целью которых стала попытка искоренения с территории Украины всего русского. Помимо этого, украинские власти начали получать внушительную военную помощь от западных стран, объёмы и возможности которой увеличивались с каждым годом. Кроме того, после воссоединения с Россией полуострова Крым и города-героя Севастополь новые украинские власти стали рассуждать о том, что отказ их страны от ядерного статуса был ошибкой.

Пришедший к власти в 2019 году Владимир Зеленский не стал отходить от разрушительной политики своего предшественника, в том числе и по ядерной повестке. Наиболее запоминающимся стало его выступление на Мюнхенской конференции по безопасности от 19 февраля 2022 года в отношении переговоров в рамках Будапештского меморандума 1994 года, который предусматривал

² В Белоруссии сообщили, что товарооборот с РФ за девять месяцев составил \$35,5 млрд // ТАСС. – 24.11.2023. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19371579?ysclid=lpcta6iq3j470084820> (дата обращения: 24.11.2023).

³ Свыше 80 % торговых расчётов между РФ и Белоруссией приходится на долю национальных валют // ТАСС. – 12.04.2022. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/14354125> (дата обращения: 30.11.2023).

⁴ Объём торговли в ЕАЭС в 2022 году вырос на 15 % // ТАСС. – 06.04.2023. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/17471009?ysclid=lpctr68ar5119889596> (дата обращения: 24.11.2023).

гарантии территориальной целостности Украины в обмен на отказ киевского руководства от ядерного вооружения. На этой встрече он призвал провести необходимые консультации и заявил, что в случае, если они снова не состоятся, или по их результатам не будет гарантий безопасности для его страны, Украина будет иметь полное право считать, что Будапештский меморандум не работает, и все пакетные решения 1994 года будут поставлены под сомнение⁵.

Таким образом, учитывая всё вышеизложенное, у России не осталось иного выбора, кроме как начать специальную военную операцию для защиты русскоязычного населения Украины и своих граждан.

В такой непростой геополитической обстановке Белоруссия не осталась в стороне от своего союзника и приступила к постепенному наращиванию сотрудничества с Россией в военной области. Одним из основных проявлений такой позиции стало увеличение совместных военных учений и их масштаб. В частности, необходимо отметить и прошедшие в феврале 2022 года в Белоруссии учения «Союзная решимость — 2022», которые среди всех российско-белорусских военных учений стали крупнейшими за всё постсоветское время⁶. Особенными они были ещё и с той точки зрения, что именно после них началась специальная военная операция, причём в первые её дни активно использовалась белорусско-украинская граница. Впоследствии в декабре 2022 года было принято решение о создании единого

оборонного пространства, что ещё больше усилило позиции Союзного государства на международной арене. Итак, Белоруссия заняла однозначную позицию по начавшимся 24 февраля 2022 года полномасштабным боевым действиям и приступила к планомерному сближению с Россией в военной сфере, в том числе и для укрепления безопасности собственного государства.

РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Масштабные изменения начали происходить и с точки зрения обеспечения ядерной безопасности Союзного государства. Они начались с заявления Президента Белоруссии А. Г. Лукашенко от 30 ноября 2021 года, в котором он прокомментировал слова генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга о возможности размещения ядерных вооружений США к востоку от Германии и заявил, что Белоруссия предложит России разместить на своей территории ядерное оружие в случае, если американские ядерные боеголовки появятся в Польше⁷.

Немаловажно, что инициатива Президента нашла своё продолжение в рамках состоявшегося 27 февраля 2022 года нового республиканского референдума, в результате которого были внесены изменения и дополнения в «Конституцию Республики Беларусь» от 15 марта 1994 года [6]. Согласно обновлённому документу, помимо преобразования структуры государственной власти

⁵ Зеленский пригрозил пересмотреть отказ Украины от ядерного оружия // РБК. – 19.02.2022. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/19/02/2022/621108ac9a7947f316c3b93e> (дата обращения: 23.11.2023).

⁶ Россия и Белоруссия начали активную фазу военных учений // Ведомости. – 09.02.2022. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/02/09/908563-belorussii-startuyut-ucheniya> (дата обращения: 23.11.2023).

⁷ Лукашенко допустил размещение в Беларуси ядерного оружия // DW. – 30.11.2021. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/lukashenko-dopustil-razmeshchenie-v-belarusi-rossijskogo-ядernogo-oruzhija/a-59981343> (дата обращения: 23.11.2023).

и полномочий её ветвей, Белоруссия перестала себя позиционировать как нейтральное и безъядерное государство, что было зафиксировано в прошлой редакции. Таким образом, можно сделать вывод, что граждане Белоруссии поддержали позицию своего лидера.

Наконец, эта инициатива нашла своё подтверждение и с российской стороны, когда 25 марта 2023 года Президент В. В. Путин заявил, что 1 июля того же года завершится строительство хранилища для тактического ядерного оружия в Белоруссии. Тем не менее речь шла не о передаче ядерных вооружений белорусской стороне, а только о размещении российского тактического ядерного оружия на её территории. Президент Российской Федерации добавил, что поводом для переговоров с Лукашенко по этому вопросу также стало заявление Великобритании о передаче Украине снарядов с обеднённым ураном, поскольку это так или иначе связано с ядерными технологиями⁸. Следовательно, Союзное государство не нарушило Договор о нераспространении ядерного оружия, который был подписан руководством Минска в 1993 году. Таким образом, изменившаяся геополитическая ситуация привела к тому, что в Белоруссии теперь снова стали размещены ядерные вооружения после того, как они были вывезены из страны к ноябрю 1996 года.

РАЗРЕШЕНИЕ НАПРЯЖЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧВК «ВАГНЕР»

Об увеличении уровня доверия между властями Москвы и Минска

свидетельствует и тот факт, что после мятежа Пригожина 23–24 июня 2023 года ЧВК «Вагнер» перебазировалась по предложению А. Г. Лукашенко на территорию Белоруссии, где 16 августа того же года была официально зарегистрирована в Могилёвской области как общество с ограниченной ответственностью, которое начало заниматься предоставлением образовательных услуг. Это решение стало важным шагом на пути стабилизации внутригосударственной обстановки в Российской Федерации. Кроме того, дислокация этой частной военной компании на территории Белоруссии значительным образом укрепило её обороноспособность. В частности, Президент Белоруссии Александр Лукашенко в августе 2023 года заявил, что находящиеся в Республике бойцы «Вагнера» бесплатно передают опыт белорусской армии и спецподразделениям⁹. В Министерстве обороны Белоруссии уточнили, что с группой «Вагнер» был выработан чёткий алгоритм передачи боевого опыта подразделениям инженерных войск, территориальной обороны, войск связи, сил специальных операций, войск радиационной, химической и биологической защиты, механизированным подразделениям, а также внутренним войскам и спецподразделениям органов внутренних дел. Итак, череда событий привела к тому, что за период проведения специальной военной операции вооружённые силы Белоруссии были выведены на новый уровень не только благодаря появлению в их рядах профессиональных инструкторов, но и размещению на территории страны ядерного оружия.

⁸ Путин заявил о планах разместить в Белоруссии тактическое ядерное оружие // РБК. – 25.03.2023. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2023/641f2ca89a7947cf3b050065> (дата обращения: 23.11.2023).

⁹ «Вагнер» в Белоруссии зарегистрировали как центр образовательных услуг // РИА Новости. – 16.08.2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230816/vagner-1890460020.html?ysclid=lpeai4gobs709387904> (дата обращения: 25.11.2023).

РЕАКЦИЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА

Изменившаяся расстановка сил в регионе заставила всерьёз задуматься страны НАТО о пересмотре своих подходов к обеспечению национальной безопасности. Например, количество размещённых военных Организации Североатлантического договора только на её восточном фланге за 2022 год выросло в 2,5 раза — с 13 до 33 тысяч человек, причём в ОДКБ утверждают, что из них около 15 тысяч — военные из США¹⁰. Отдельно стоит выделить Польшу, которая решила резко увеличить численность своей армии. В частности, Министр национальной обороны Республики Мариуш Блашак 20 ноября 2023 года заявил, что Польша нарастила численность армии до 193 тысяч солдат¹¹. Кроме того, ранее он же рассуждал о том, что к 2035 году в вооружённых силах Польши должно служить не менее 300 тысяч человек, благодаря чему у Республики появится самая крупная сухопутная армия в Европе. Исходя из этих данных, Союзное государство в ближайшее время будет вынуждено реагировать на новые угрозы надлежащим образом для того, чтобы своевременно подготовить соответствующий ответ.

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ: ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ

Подтверждением успешности интеграции двух государств служит и тот факт, что с недавнего времени появилась

основа для её возможного расширения: в апреле 2022 года Президент Белоруссии Александр Лукашенко допустил вступление стран бывшего СССР в Союзное государство, которое может строиться на «новых принципах, чтобы никто не был в обиде»¹². Его заявление не осталось незамеченным: через полтора года о желании присоединиться к Союзному государству заявили Республика Южная Осетия и Республика Абхазия. В частности, 23 августа 2023 года государственный советник Президента Южной Осетии В. Гобозов отметил, что у его страны есть желание вступить в Союзное государство России и Белоруссии, это один из приоритетов¹³. Стоит отметить, что для этого вначале нужно совершить определённые действия. Например, В. Гобозов напомнил, что прежде всего Белоруссия должна признать независимость Республики. В свою очередь, секретарь Совета безопасности Абхазии С. М. Шамба 30 сентября 2023 года заявил о том, что для присоединения к Союзному государству его стране необходимо развивать отношения с Белоруссией, причём начинать стоит с экономического сотрудничества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, текущая турбулентность мировой политики дала новый импульс союзному строительству в рамках интеграции России и Белоруссии. Действительно, можно с уверенностью сказать, что в последние годы проект

¹⁰ НАТО увеличила численность сил на востоке в 2,5 раза за год // Lenta.RU. – 14.02.2023. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2023/02/14/8375/> (дата обращения: 28.11.2023).

¹¹ Численность армии Польши приближается к 200 тыс. человек // Интерфакс. – 20.11.2023. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/931405> (дата обращения: 28.11.2023).

¹² Абхазия допустила вступление в Союзное государство // РБК. – 30.09.2023. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfrenews/6517a8b59a79477c2e95fe02> (дата обращения: 22.11.2023).

¹³ В Южной Осетии выразили желание вступить в Союзное государство // РИА Новости. – 23.08.2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230823/vstuplenie-1891649587.html> (дата обращения: 22.11.2023).

под названием «Союзное государство» переживает ренессанс: принимаются новые стратегические документы, происходит консолидация государственных позиций по международным вопросам, наращивается военное взаимодействие, появляются предпосылки для возможного расширения интеграционного объединения, увеличиваются показатели экономического сотрудничества, сохраняется высокий уровень социальных контактов и культурного взаимопроникновения. Таких результатов удалось достичь

прежде всего в связи с появлением экзистенциальных угроз, число которых растёт год от года. Отрадно, что власти обеих стран смогли вовремя заметить наметившиеся тенденции и принять необходимые меры для купирования новых вызовов. Итак, благодаря своевременным действиям руководства Союзного государства удалось не только вывести интеграционные процессы на более высокий уровень, но и укрепить основу для занятия объединением достойного места в новом мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 22.11.2023).
2. Рекеда С. Союзное государство России и Беларуси: в поисках вектора развития. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belarusi-v-poiskakh-vektora-razvitiya/?ysclid=ln9qedwp7p206915591> (дата обращения: 02.10.2023).
3. Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства. 10.09.2021. URL: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения: 23.11.2023).
4. Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы. 04.11.2021. URL: <https://посткомср.рф/docs/item/237509/?ysclid=lrepocoxxd873366906> (дата обращения: 15.01.2024).
5. Заседание Совета Министров Союзного государства. 29.11.2023. URL: <http://government.ru/news/50248/> (дата обращения: 11.12.2023).
6. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года с изменениями и дополнениями от 27 февраля 2022 года. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 23.11.2023).

REFERENCES:

1. The concept of the Foreign policy of the Russian Federation dated March 31, 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> [Accessed: 11.22.2023] (In Russ.)
2. Rekeđa S. The Union State of Russia and Belarus: in search of a vector of development. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belarusi-v-poiskakh-vektora-razvitiya/?ysclid=ln9qedwp7p206915591> [Accessed 02.10.2023] (In Russ.)
3. Joint statement by the Chairman of the Government of the Russian Federation and the Prime Minister of the Republic of Belarus on the current development and further steps to deepen integration processes within the Un-

- ion State. 09.10.2021. URL: <http://government.ru/news/43234/> [Accessed: 11.23.2023] (In Russ.)
4. The main directions of implementation of the provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State for 2021–2023. 04.11.2021. URL: <https://посткомср.рф/docs/item/237509/?ysclid=lrpocoxxd873366906> [Accessed: 15.01.2024] (In Russ.)
5. Meeting of the Council of Ministers of the Union State. 29.11.2023. URL: <http://government.ru/news/50248/> [Accessed: 11.12.2023] (In Russ.)
6. The Constitution of the Republic of Belarus dated March 15, 1994 with amendments and additions dated February 27, 2022. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> [Accessed: 23.11.2023] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей Н. Захаров, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
anz11072000@yandex.ru

Andrey N. Zakharov, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
anz11072000@yandex.ru

Внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы Российской Федерации I созыва (к 30-летию со дня начала работы)

Петр И. Пашковский

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия,
petr.pash@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации I созыва. Охарактеризована специфика основных результатов депутатских голосований данного периода, связанных с международно-политическими реалиями, в контексте их соотношения с концептуальными основами и реализацией внешней политики России. Выявлены особенности состава и характера деятельности нижней палаты российского парламента данного периода. Проанализирована концептуализация внешней политики Российской Федерации. Дана оценка инициативам и решениям Государственной Думы Российской Федерации I созыва в области внешней политики и международных отношений. Показано, что таковые были обусловлены спецификой её персонального состава, где отсутствовали жёсткая фракционная дисциплина и явное преимущество какой-либо политической силы, что определяло необходимость ситуативного взаимодействия. Нормальная работа нижней палаты парламента стала возможной во многом вследствие усилий её Председателя, занявшего центристские позиции. Обосновано, что Госдума, осуществляя деятельность в условиях сложнейших социально-экономических проблем и колоссального ослабления международно-политических позиций России, продемонстрировала значительную активность в инициативах международно-политической направленности, которые охватывали широкий спектр актуальных вопросов с акцентом на ситуации в государствах постсоветского пространства. Эти решения были относительно сбалансированными, что объяснялось примерно равным распределением ресурсов между т. н. «левыми», «правыми», «центристами» и «национал-патриотами», а также наличием вопросов «общего блока», позиции по которым совпадали или не вызвали явных противоречий. Международно-политические инициативы Государственной Думы I созыва отличались большей реалистичностью и акцентированием защиты национальных интересов от содержания концептуальных документов и проводимого государством внешнеполитического курса. Это происходило на фоне и одновременно с начавшимся процессом переосмысления внешнеполитических подходов Российской Федерации, оказав на него значительное влияние.

Ключевые слова: Государственная Дума Российской Федерации I созыва, внешняя политика, международные отношения, депутаты, голосования

Для цитирования: Пашковский П.И. Внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы Российской Федерации I созыва (к 30-летию со дня начала работы). *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):71-82. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-71-82>

Поступила 27.01.2024

Принята в печать 13.02.2024

Опубликована 30.03.2024

Foreign Policy Aspects of the Activities of the State Duma of the Russian Federation of the First Convocation (on the 30th Anniversary of the Start of Work)

Petr I. Pashkovsky

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

petr.pash@yandex.ru

Abstract: The article considers the foreign policy aspects of the activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the First convocation. The specifics of the main results of parliamentary votes of this period, which were related to international-political realities, in the context of their relationship with the conceptual foundations and implementation of Russian foreign policy, have been characterized. Features of the composition and nature of the activities of the lower house of the Russian parliament of this period have been identified. The conceptualization of the Russian Federation's foreign policy has been analyzed. The initiatives and decisions of the State Duma of the Russian Federation of the First convocation in the field of foreign policy and international relations have been assessed. It is shown that these were due to the specifics of its personal composition, where there was no strict factional discipline and a clear advantage of any political force, which determined the need for situational interaction. The normal work of the lower house of parliament became possible largely due to the efforts of its Chairman, who took a centrist position. It is substantiated that the State Duma, operating in conditions of complex socio-economic problems and the colossal weakening of Russia's international political positions, demonstrated significant activity in international political initiatives that covered a wide range of topical issues with an emphasis on the situation in the states of the post-Soviet space. These decisions were relatively balanced, which was explained by the approximately equal distribution of resources between the so-called "left", "right", "centrists" and "national patriots", as well as the presence of "common bloc" issues, positions on which coincided or did not cause obvious contradictions. The international political initiatives of the State Duma of the First convocation were distinguished by greater realism and emphasis on the protection of national interests than the content of conceptual documents and the foreign policy course pursued by the state. This happened against the background and simultaneously

with the beginning of the process of rethinking the foreign policy approaches of the Russian Federation, which had a significant influence on it.

Keywords: State Duma of the Russian Federation of the First convocation, foreign policy, international relations, deputies, voting

For citation: Pashkovsky P.I. Foreign Policy Aspects of the Activities of the State Duma of the Russian Federation of the First Convocation (on the 30th Anniversary of the Start of Work). Post-Soviet Issues. 2024;11(1):71–82. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-71-82>

Received 27.01.2024

Revised 13.02.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

11 января 2024 г. исполнилось 30 лет со дня первого заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации I созыва (11 января 1994 — 15 января 1996 г.)¹, избранной в декабре 1993 г., что актуализирует осмысление пройденного пути. Так, выступая 12 декабря 2023 г. на пленарном заседании, Председатель нижней палаты российского парламента В. В. Володин отметил, что «30 лет — это возраст небольшой, но достаточный, чтобы спрашивать и проводить анализ и работу над ошибками»². Значение этого возрастает в современных «условиях геополитического противостояния с Западом», реализующим антиросийский курс, когда наша страна «сталкивается с рядом вызовов, одновременно получив ряд новых возможностей, которые могут привести к укреплению её геополитических и экономических позиций» [1, с. 15].

В этом отношении особый интерес представляет опыт внешнеполитической

деятельности Государственной Думы I созыва, продемонстрировавший наличие различных инициатив, в том числе решений стратегического характера и патриотической направленности, в известном смысле опередивших своё время [2–8]. Настоящая публикация имеет целью рассмотреть специфику основных результатов депутатских голосований этого периода, касающихся международно-политических реалий, учитывая их соотношение с формированием концептуальных основ и реализацией отечественной внешней политики.

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА И ХАРАКТЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИЖНЕЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА I СОЗЫВА

Итоги парламентских выборов декабря 1993 г. ознаменовались формированием девяти фракций: фракция «Выбор России» (ВР) (76 депутатов, руководитель — Е. Т. Гайдар); фракция Либерально-демократической партии России (ЛДПР) (63 депутата, руководитель — В. В. Жириновский); фракция

¹ История Государственной Думы. URL: <http://duma.gov.ru/duma/about/history/information/> (дата обращения: 23.01.2024).

² Выступление Вячеслава Володина к 30-летию Конституции РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/58507/> (дата обращения: 23.01.2024).

Аграрной партии России (АПР) (55 депутатов, руководитель — М. И. Лапшин); фракция Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) (45 депутатов, руководитель — Г. А. Зюганов); фракция Партии российского единства и согласия (ПРЕС) (30 депутатов, руководитель — С. М. Шахрай); фракция объединения «Яблоко» (25 депутатов, руководитель — Г. А. Явлинский); фракция политического движения «Женщины России» (ЖР) (23 депутата, руководитель — Е. Ф. Лахова); фракция Демократической партии России (ДПР) (15 депутатов, руководитель — Н. И. Травкин); Депутатская группа «Новая региональная политика» (НРП) (65 депутатов, руководитель — В. С. Медведев). Кроме того, 47 депутатов не вошли в зарегистрированные депутатские объединения. Председателем Государственной Думы Российской Федерации I созыва был избран представитель Аграрной партии России И. П. Рыбкин [5, с. 129–132].

При этом к условно «левым» (порядка 100 депутатов) относились КПРФ и АПР; «центристами» (примерно 140 депутатов) считались ЖР, ПРЕС, ДПР, НРП, группы «Стабильность» и «Россия»; «национал-патриотами» (радикалами) (около 70 депутатов) — ЛДПР, незарегистрированные группы «Держава» и «Российский путь»; «правыми» (либералами) (примерно 100 депутатов) — ВР, «Яблоко» и «Либерально-демократический Союз 12 декабря» [9, 10]. Однако некоторое количественное преобладание т. н. «левых» и «центристов» не способствовало тому, чтобы какая-либо социально-политическая группа имела качественное преимущество, обусловив столкновение интересов и императив стремления к консенсусу.

С международно-политической сферой была связана деятельность трёх профильных комитетов: Комитет

по международным делам (председатель — В. П. Лукин, «Яблоко»), Комитет по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками (председатель — К. Ф. Затулин, ПРЕС, ДПР), Комитет по вопросам геополитики (председатель — В. И. Устинов, ЛДПР). В первых двух комитетах количественное преимущество имели «правые» и «центристы», в третьем — «национал-патриоты» (с учётом минимального и пропорционально равного участия представителей других социально-политических групп).

Специфика деятельности Государственной Думы I созыва определялась отсутствием жёсткой фракционной дисциплины, частыми примерами межфракционных переходов и возможностью представителей исполнительной власти быть избранными в депутаты с сохранением имеющихся полномочий. Отсутствие подавляющего преимущества каких-либо политических сил и размытость фракционных и депутатских подходов открывали перспективы манёвра всем участникам политического процесса [11, с. 16].

Оппозиция исполнительной власти (Президенту и Правительству) составляла порядка 43 %, осложняя функциональность нижней палаты парламента. КПРФ и ЛДПР превратились в примеры парламентских партий, являвшихся «системной оппозицией». Нормальная работа Государственной Думы во многом стала возможной благодаря спикеру И. П. Рыбкину (представителю АПР), который, вопреки ожиданиям, дистанцировался от левой оппозиции, проявив склонность к компромиссам, постепенно переместившись в центр политического спектра. Фактически перейдя в «команду Президента», Председатель Госдумы содействовал тому, чтобы законопроекты, которые вносились исполнительной

властью, имели приоритетное место при рассмотрении [12, с. 373–378].

Примерно 20% состава нижней палаты парламента представляли «партии власти»: «Выбор России» и ПРЕС [13, с. 320]. Их деятельность характеризовалась не столько функцией социального представительства и защитой государственных интересов, сколько выражением интересов группировки власть предержащих [14, с. 126].

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственная Дума I созыва начала работу в обстоятельствах, когда действовали «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» [15], утверждённые Президентом 23 апреля 1993 г. Этот документ стал следствием специфики внешнеполитического мышления российского руководства тех лет, сводящегося к акцентированию необходимости позиционирования России как «демократического государства», которое разделяет «общие ценности» с коллективным Западом. Вместе с вполне логичными целями и задачами в «Основных положениях...» обозначались далёкие от объективности оценки роли нашей страны в постбиополярную эпоху и романтические сценарии формирования нового мироустройства, а наиболее актуальные проблемы были изложены обобщённо или совсем не отмечены [16, с. 26–27].

Содержание документа характеризовалось смещением принципов районирования, что свидетельствует об отсутствии чётких критериев его создания. Так, наряду с признанием значительной роли СНГ, нереалистично смотрелись прописанные методы российской политики в регионе. Аксиомой преподносились положения

о якобы стремлении Запада к сотрудничеству с Россией на фоне отсутствия функциональных подходов к решению задач государственной внешней политики, выглядевших явно завышенными. Очевидным представлялось, что текст «Основных положений...» подвергся влиянию «либерально-атлантических» идей. При этом в документе подчёркивались приоритеты отношений с государствами Содружества, Азиатско-Тихоокеанского и Ближневосточного регионов, что подтверждает тезис о смешении принципов и теоретической неопределённости в процессе его создания [17, с. 62].

Подобное объяснялось болезненным хитросплетением внешних и внутренних факторов, на фоне и под влиянием которых создавались «Основные положения...». В этом контексте М. А. Неймарк отмечал: «Первая концептуальная модель внешней политики России зеркально отражала сложнейшие объективные условия, в которых она разрабатывалась: кризис государственной субъектности, системно-формационная трансформация государственного строя, глубочайший социально-экономический кризис, ускоренное наложение и смешение противоречивых внутренних и внешних событийных рядов и, как следствие, кризис адаптации к беспрецедентным изменениям внутри страны и на международной арене, вызванных распадом СССР» [18, с. 4].

Важным концептуальным документом стал «Стратегический курс России с государствами-участниками СНГ», утверждённый Президентом 14 сентября 1995 г. [19]. Следует отметить, что, несмотря на декларативный характер его положений, лексика данного документа выглядит более реалистичной. В тексте часто упоминается термин «национальные интересы», что свидетельствует о начавшемся

процессе переосмысления концептуальных основ внешней политики, который в полной мере проявится позже [17, с. 62].

В целом, на содержание доктринальных документов в области российской внешней политики в первой половине 1990-х гг. оказали влияние установки отечественных элит, убеждённых в помощи Запада в решении экономических проблем. В свою очередь, значительные заимствования становились фактором экономического выживания России, что обусловило характер доктринальных документов и особенности осуществления государственного внешнеполитического курса [5, с. 150].

Недостаток реализма в доктринальных установках российской внешней политики того времени отмечали и некоторые западные исследователи. Это, по их мнению, проявлялось в надеждах российских элит на помощь Запада или его лояльность в ответ на стремления России восстановить своё влияние в «ближнем зарубежье» [20, с. 126]. Безосновательность подобных надежд подтверждала реальность, в которой США, чтобы расширить своё присутствие и усилить влияние в данном регионе, взяли курс на «цементирование результатов дезинтеграции» СССР [21, р. 42–43].

Деятельность Государственной Думы I созыва осуществлялась в условиях начавшегося пересмотра курса «демократической солидарности с Западом». Совокупное влияние внешних и внутренних факторов обусловило формирование в российском обществе 1994–1995 гг. следующих установок: рост недоверия в отношении заявлений США и их союзников о равноправном партнёрстве

и учёте интересов России; восприятие планов расширения НАТО в качестве нарушения обещаний Вашингтона и реализации стратегии российского сдерживания; критика односторонних действий Соединённых Штатов и их союзников касательно Югославии; осуждение интервенции НАТО в Боснии; отрицание целесообразности присоединения Москвы к международным санкциям в отношении Ливии и Ирака, введённым по инициативе Вашингтона и нанесшим значительный ущерб отечественной экономике; усиление разочарований ограниченной западной помощью в реформировании российской экономики; признание негативных результатов политики России в отношении бывших союзных республик и т. д. [16, с. 32–33].

ИНИЦИАТИВЫ И РЕШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ I СОЗЫВА В ОБЛАСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

На основании проанализированных стенограмм³ и отчётов⁴ заседаний было выявлено, что в период работы Государственной Думы I созыва состоялось 186 голосований, тематика которых связана с международно-политической сферой, среди них имелись заявления, обращения, ратификации и денонсации международных договоров, а также прочие относящиеся к данной области голосования.

В 28 принятых заявлениях и обращениях, касающихся внешнеполитических вопросов, преобладали следующие темы: осуждение ситуации в странах Балтии, связанной с нарушением прав соотечественников и ущемлением русского

³ База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». URL: <http://transcript.duma.gov.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).

⁴ Система анализа результатов голосований на заседаниях Государственной Думы. URL: <http://vote.duma.gov.ru/> (дата обращения: 23.01.2024).

и русскоговорящего населения; выражение поддержки Сербии в контексте югославского конфликта; критическая оценка разного рода деятельности США, НАТО и ЕС; выступление за отмену экономической блокады Кубы Вашингтоном; осуждение политики украинских властей в отношении Крыма и Севастополя; поддержка моратория на одностороннее сокращение частей и подразделений Черноморского флота до окончания российско-украинских переговоров о его разделе; обсуждение и попытки урегулирования «замороженных конфликтов» в «ближнем зарубежье» (ситуации в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье); декларирование поддержки прав соотечественников, проживающих в государствах постсоветского пространства; выступление за снятие экономической блокады Ирака и т. д.

Депутатами Госдумы было ратифицировано 4 договора, связанных с уровнем мирового взаимодействия и затрагивающих вопросы сотрудничества со структурами ООН и присоединения к определённым международным конвенциям. Также было принято соглашение с Организацией экономического сотрудничества и развития в плане её иммунитетов и привилегий в России. Региональный и субрегиональный уровни взаимодействия характеризовались ратификацией 4 договоров, в основном касающихся сотрудничества в формате СНГ и постсоветских интеграционных структур (например, Договор о создании Экономического союза).

В этом отношении внимания заслуживают ратифицированные договоры с отдельными государствами (общее количество — 84), большинство из которых (44) касались стран Содружества в рамках следующих направлений: консульские конвенции; проблемы двойного гражданства; сотрудничество в военной области; выдача

государственных кредитов; защита прав переселенцев и регулирование процесса переселения; сотрудничество в процессе использования космодрома «Байконур» и т. д. Что касается двусторонних договоров с государствами Балтии (Латвией, Литвой и Эстонией), то они (всего — 12) затрагивали базовые вопросы (с учётом евроатлантической ориентации этих стран) и проблемные аспекты в отношениях с Россией: сроки и порядок полного вывода с их территорий российских вооружённых сил; механизмы регулирования процесса переселения и защиты прав переселенцев; вопросы социальной защищённости российских военных пенсионеров и членов их семей, которые проживают на территории указанных стран; ратификации консульских конвенций; правовая помощь и правовые отношения по уголовным, гражданским и семейным делам и т. д.

Государств, входящих в ЕС, касалось 8 принятых двухсторонних договоров, сводящихся к торгово-экономическому сотрудничеству, налогообложению и консульским конвенциям. Примерно аналогичной являлась тематика ратифицированных договоров (всего — 8) с европейскими странами, которые не входили в Евросоюз. 2 одобренных договора с США затрагивали аспекты разграничения морских пространств и оформления беспопышлинного ввоза товаров, перемещаемых в рамках двухстороннего сотрудничества в сфере исследования и использования космического пространства в мирных целях.

Взаимодействию по широкому кругу вопросов с акцентом на торгово-экономическом сотрудничестве были посвящены принятые договоры с государствами Азии (общее количество — 5) и Латинской Америки (общее количество — 1). В этом контексте необходимо отметить ратифицированное соглашение

с КНР, касающееся российско-китайской государственной границы на её Западной части [5, с. 151–154].

Кроме того, ещё 66 голосований в рамках Государственной Думы I созыва также были связаны с внешней политикой и международными отношениями, касаясь таких направлений: правовая оценка и международно-политическое значение «беловежских соглашений»; международная безопасность; внешнеэкономическая деятельность; миграционная ситуация в СНГ; миротворческие усилия Российской Федерации; деятельность фонда Дж. Сороса; вопрос относительно доверия министру иностранных дел А. В. Козыреву; события в Крыму (включая Севастополь) и т. д.

Примеры наиболее показательных инициатив (выдвинутых на голосование в 1994–1995 гг.) в контексте обозначенных направлений выглядели следующим образом: необходимость осуждения и денонсации «беловежских соглашений» (инициаторы — депутаты от фракции ЛДПР: М. П. Бурлаков, Г. Г. Лукава, Е. Э. Михайлов, К. Н. Панферов, О. А. Финько; проект не принят); вопрос о доверии главе МИД А. В. Козыреву (инициатор — Е. Ю. Логинов (ЛДПР); проект не принят); обсуждение и отрицательная оценка деятельности фонда Дж. Сороса (инициатор — М. П. Бурлаков (ЛДПР); проект принят); проект федерального закона «О моратории на одностороннее сокращение Черноморского флота» (инициатор — Комитет по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками; проект принят); заявление «О политико-правовой ситуации в Автономной Республике Крым» (инициатор — Комитет по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками; проект принят

с поправками); заявление «Об агрессии Республики Хорватии и её последствиях» (инициаторы — С. Ю. Глазьев (ДПР), С. А. Глотов («Российский путь»), К. Ф. Затулин (ПРЕС, ДПР), Н. А. Зацепина («Российский путь»), Г. И. Чуркин (АПР), А. Д. Венгеровский (ЛДПР); проект принят); постановление «О позиции Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в связи с военным вмешательством НАТО в Боснии и Герцеговине и военно-политической напряженностью на Балканах» (инициатор — Комитет по международным делам; проект принят); проект федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» (инициатор — А. Ю. Мельников («Яблоко»); проект, который фактически способствовал встраиванию России как хозяйствующего субъекта в систему капиталистической экономики, был принят) [5, с. 154–156].

Результаты голосований международно-политической направленности в нижней палате парламента в этот период представляли подчас полярные точки зрения, являясь, тем не менее, более сбалансированными и реалистичными, чем положения концептуальных документов внешней политики России. Это обуславливалось примерно равным распределением ресурсов внутри Госдумы между т. н. «левыми», «правыми», «центристами» и «национал-патриотами», а также наличием «общего блока» вопросов (защита территориальной целостности и суверенитета государства, укрепление обороноспособности, содействие благоприятным внешним условиям для развития экономики и социальной сферы, защита прав и свобод соотечественников за рубежом, поддержка процессов постсоветской интеграции), не вызывающих явных противоречий или способствующих совпадению позиций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешнеполитические аспекты деятельности Государственной Думы Российской Федерации I созыва были обусловлены спецификой её состава, в рамках которого отсутствовали жёсткая фракционная дисциплина и явное преимущество какой-либо политической силы, определяя необходимость ситуативного взаимодействия. Более 40 % депутатов относились к оппозиции исполнительной власти, а примерно 20 % — представляли «партии власти». Функциональное взаимодействие конкурирующих политических сил не в последнюю очередь установилось вследствие усилий занявшего центристские позиции Председателя нижней палаты парламента.

Осуществляя работу в обстоятельствах сложнейших социально-экономических проблем и колоссального ослабления международно-политических позиций России, ставшей полупериферией в западноцентричной мир-системе, Госдума продемонстрировала значительную активность в инициативах

международно-политической направленности, охватывавших широкий спектр актуальных вопросов с видимым акцентом на ситуации в «ближнем зарубежье».

Относительная сбалансированность принятых решений, проявившаяся в учёте позиций разных политических сил, стала производной примерно равного распределения ресурсов и существования вопросов «общего блока». Принятые решения отличались от характера доктринальных основ и официального внешнеполитического курса государства более реалистичным и направленным на обеспечение национальных интересов содержанием. Подобное совпало с начинающейся в этот период тенденцией переосмысления отечественных внешнеполитических подходов, в том числе касательно взаимоотношений с Западом, во многом предвосхитив последующие события, что увеличивает значение исследования и учёта опыта внешнеполитической деятельности Государственной Думы I созыва в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С. С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности. *Проблемы постсоветского пространства*. 2023;10(1):8–16. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-8-16>
2. Глейзнер Дж., Чейсти П. Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1997 годов; Пер. с англ. Москва: Московский общественный научный фонд; 1999. 68 с.
3. Косачев К. И. Парламентская дипломатия в многополярном мире. *Диалог: политика, право, экономика*. 2017;4(1):26–31.
4. Морозов О. В. Парламентская дипломатия новой России. *Тетради по консерватизму*. 2018;4:299–315. DOI: [10.24030/24092517-2018-0-4-299-315](https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-4-299-315)
5. Пашковский П. И. Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы Российской Федерации: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь: ИП Бровко А.А.; 2023. 398 с.
6. Chaisty P. The Influence of Sectoral and Regional Economic Interests on Russian Legislative Behavior: The Case of State Duma Voting on Production Sharing Agreements Legislation. *Post-Soviet Affairs*. 2007;23(4):302–328.
7. Sakwa R. Party and Power: Between Representation and Mobilization in Contemporary Russia. *East European Politics*. 2012;3(28):310–327.

8. White D. Re-Conceptualising Russian Party Politics. *East European Politics*. 2012;3(28):210–224.
9. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации первого — третьего созывов: основные итоги деятельности 1994–2003 годы: справочник / [И. А. Андреева [и др.]; Под общ. ред. Б. В. Грызлова]. Москва: Издание Государственной думы; 2005. 859 с.
10. Пятая Российская Государственная Дума / Под общ. ред. и с предисл. И. П. Рыбкина. Москва: Известия; 1994. 248 с.
11. Алескеров Ф. Т., Благовещенский Н. Ю., Сатаров Г. А., Соколова А. В., Якуба В. И. Влияние и структурная устойчивость в российском парламенте (1905–1917 и 1993–2005 гг.). Москва: ФИЗМАТЛИТ; 2009. 312 с.
12. Колесников В. Н. Народное представительство и парламентаризм в России: проблемы становления и развития. Санкт-Петербург: Северо-Западный центр развития парламентаризма; 2007. 432 с.
13. Гаман-Голутвина О. В. Государственная Дума 1993–2003 гг.: эволюция персонального состава. Парламентаризм в России и Германии: История и современность / Отв. ред. Я. А. Пляйс и О. В. Гаман-Голутвина. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2006. С. 307–321.
14. Гаман-Голутвина О. В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России. Власть и элиты современной России: Сб. научных статей / Под ред. А. В. Дуки. Санкт-Петербург: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского; 2003. С. 118–131.
15. Концепция внешней политики Российской Федерации. 23 апреля 1993 г. Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрестоматия в 4-х т. Т. 4.: Документы / Сост. Т. А. Шаклеина. Москва: МГИМО; РАМИ; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)»; 2002. С. 19–50.
16. Внешняя политика России. 1991–2016: [коллективная монография / Т. А. Шаклеина, А. Н. Панов, А. С. Булатов и др.; Отв. ред. Е. М. Кожокин, А. Л. Чечевичников]; Под общ. ред. и с предисл. акад. А. В. Торкунова. Москва: МГИМО-Университет; 2017. 538 с.
17. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 гг.). Киев: Интерсервис; 2012. 189 с.
18. Неймарк М. А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. Москва: Проспект; 2020. 320 с.
19. Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств. 14 сентября 1995 г. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e9272bafa34209743256c630042d1aa/4e3d23b880479224c325707a00310fad?OpenDocument> (дата обращения: 23.01.2024).
20. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы; Пер. с англ. Москва: Международные отношения; 2005. 256 с.
21. Simes D. K. Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation. *Foreign Affairs*. 2007;86(6):36–52.

REFERENCES:

1. Zhiltsov S.S. Russian Policy in the Face of Global Uncertainty: Challenges and Opportunities. *Post-Soviet Issues*. 2023;10(1):8–16. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-8-16> (In Russ.)
2. Gleisner J., Chaisty P. Russian State Duma: Structure, Activity and Evolution in the Period 1993–1997; Trans. from Engl. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation; 1999. 68 p. (In Russ.)

3. Kosachev K.I. Parliamentary diplomacy in a multipolar world. *Dialogue: Politics, Law, Economics*. 2017;4(1):26–31. (In Russ.)
4. Morozov O.V. Parliamentary Diplomacy of the New Russia. Notebooks on Conservatism. 2018;4:299–315. DOI: [10.24030/24092517-2018-0-4-299-315](https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-4-299-315) (In Russ.)
5. Pashkovsky P.I. Foreign Policy Activities of the State Duma of the Russian Federation: Genesis, Evolution, Prospects. Simferopol: IP Brovko A.A.; 2023. 398 p. (In Russ.)
6. Chaisty P. The Influence of Sectoral and Regional Economic Interests on Russian Legislative Behavior: The Case of State Duma Voting on Production Sharing Agreements Legislation. *Post-Soviet Affairs*. 2007;23(4):302–328.
7. Sakwa R. Party and Power: Between Representation and Mobilization in Contemporary Russia. *East European Politics*. 2012;3(28):310–327.
8. White D. Re-Conceptualising Russian Party Politics. *East European Politics*. 2012;3(28):210–224.
9. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the First — Third Convocations: the Main Results of Activities 1994–2003: Reference Book / [I. A. Andreeva [and others]; Gen. Ed. by B. V. Gryzlov]. Moscow: Publication of the State Duma; 2005. 859 p. (In Russ.)
10. Fifth Russian State Duma / Gen. Ed. and with a Foreword by I. P. Rybkin. Moscow: Izvestia; 1994. 248 p. (In Russ.)
11. Aleskerov F. T., Blagoveshchensky N. Yu., Sartarov G. A., Sokolova A. V., Yakuba V. I. Influence and Structural Stability in the Russian Parliament (1905–1917 and 1993–2005). Moscow: FIZMATLIT; 2009. 312 p. (In Russ.)
12. Kolesnikov V. N. People's Representation and Parliamentarism in Russia: Problems of Formation and Development. Saint Petersburg: North-Western Center for the Development of Parliamentarism; 2007. 432 p. (In Russ.)
13. Gaman-Golutvina O.V. State Duma 1993–2003: Evolution of the Personnel. Parliamentarism in Russia and Germany: History and Modernity / Resp. ed. J. A. Plyais and O. V. Gaman-Golutvina. Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN); 2006. P. 307–321. (In Russ.)
14. Gaman-Golutvina O.V. Political-financial Clans and Political Parties as a Selectorate in the Processes of Parliamentary Representation of Modern Russia. Power and Elites of Modern Russia: Collection of Scientific Articles / Ed. by A. V. Duka. Saint Petersburg: M. M. Kovalevsky Sociological Society; 2003. P. 118–131. (In Russ.)
15. The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. April 23, 1993. Foreign Policy and Security of Modern Russia. 1991–2002: Anthology in 4 Vol. Vol. 4: Documents / Comp. by T. A. Shackleina. Moscow: MGIMO; RAMI; ANO “INO-Center (Information. Science. Education)”; 2002. pp. 19–50. (In Russ.)
16. Russian Foreign Policy. 1991–2016: [Collective Monograph / T. A. Shackleina, A. N. Panov, A. S. Bulatov and others; Resp. Ed. E. M. Kozhokin, A. L. Chechevishnikov]; Gen. Ed. and with a foreword by Academician A. V. Torkunov. Moscow: MGIMO-University; 2017. 538 p. (In Russ.)
17. Pashkovsky P. I. Integration Policy of Russia in the Post-Soviet Space (1991–2011). Kyiv: Inter-service; 2012. 189 p. (In Russ.)
18. Neimark M. A. Evolution of Russia's Foreign Policy Strategy. Moscow: Prospekt; 2020. 320 p. (In Russ.)
19. The Strategic Course of Russia with the Member States of the Commonwealth of Independent States. September 14, 1995. URL: <http://www.mid.ru/ns-osndoc.nsf/0e-9272b2b34209743256c630042d1aa/4e3d-23b880479224c325707a00310fad?OpenDocument> (Accessed: 23.01.2024) (In Russ.)

20. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Trans. from Engl. Moscow: International Relations; 2005. 256 p. (In Russ.)
21. Simes D. K. Losing Russia. The Costs of Renewed Confrontation. Foreign Affairs. 2007;86(6):36–52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Петр И. Пашковский, Доктор политических наук, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295007, Россия, Республика Крым, Симферополь, проспект академика Вернадского, д. 4;
petr.pash@yandex.ru

Petr I. Pashkovsky, Doctor of Political Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia;
petr.pash@yandex.ru

Организация и деятельность чрезвычайных учреждений в Крыму в 1921 году в условиях геополитической напряжённости

Андрей В. Ишин

*Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,
a.ischin@yandex.ru*

Аннотация: В статье анализируются политические институты, процессы, технологии, свойственные периоду становления в Крыму Советской власти после завершения широкомасштабной Гражданской войны. Феномен Гражданской войны, с точки зрения автора, выражался в непримиримой борьбе между возникшими на развалинах империи центрами силы, при этом важную роль играл собственно геополитический фактор. В статье отмечается, что в Крыму в 1921 году активно работали эмиссары британской и германской разведок, то есть тех сил, которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространстве Российской империи. Образование Крымской АССР в составе Советской России осенью 1921 года, а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 года отнюдь не входило в их планы. Поэтому западные оппоненты максимально пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР. В сложившихся условиях вполне логичным выступало стремление ряда лидеров антибольшевистского подполья к установлению тесных контактов с противниками Советской власти за рубежом в целях объединения усилий в борьбе с ней, что объективно становилось фактором геополитической напряжённости в Советской Республике в целом, и в Крыму в частности. В условиях нагнетания конфликтогенности в Крыму формируется система чрезвычайных учреждений. В указанную систему входил Крымский революционный комитет и его органы на местах, учреждения Всероссийской чрезвычайной комиссии, Части особого назначения, революционные трибуналы под общим идеологическим руководством партийных органов. Автор приходит к заключению, что чрезвычайные учреждения объективно противодействовали реализации проектов западных держав по дестабилизации ситуации в Крыму, способствовали известной этнополитической стабилизации обстановки в регионе. С другой стороны, их деятельности был присущ классовый подход, что приводило к необдуманной репрессивной политике и неизбежным «перегибам» в работе, усугублявшимся слабой координацией действий и отсутствием жёсткого контроля на первом этапе.

Ключевые слова: инерция Гражданской войны, геополитическая напряжённость, центры силы, чрезвычайные учреждения, национальный вопрос

Для цитирования: Ишин А.В. Организация и деятельность чрезвычайных учреждений в Крыму в 1921 году в условиях геополитической напряжённости. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):83–96. DOI:<https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-83-96>

Поступила 15.01.2024

Принята в печать 23.02.2024

Опубликована 30.03.2024

Organization and activities of emergency institutions in Crimea in 1921 in conditions of geopolitical tension

Andrey V. Ishin

*Institute “Tavricheskaya academy”, Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia,*

a.ischin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the political institutions, processes, technologies characteristic of the period of formation of Soviet power in Crimea after the end of the large-scale Civil War. The phenomenon of the Civil War, from the author’s point of view, was expressed in an irreconcilable struggle between the centers of power that emerged from the ruins of the empire, with the geopolitical factor itself playing an important role. The article notes that in Crimea in 1921, emissaries of British and German intelligence services were actively working, that is, those forces that had previously made considerable efforts to overthrow the monarchy and unleash a Civil War in the Russian Empire. The formation of the Crimean ASSR as part of Soviet Russia in the fall of 1921, as well as the creation of a new powerful state of the USSR with its own social project in December 1922, was not at all part of their plans. Therefore, Western opponents tried as much as possible to use the inertia of the Civil War to destabilize one of the key regions of the RSFSR. Under the current conditions, it was quite logical that a number of leaders of the anti-bolshevik underground wanted to establish close contacts with opponents of Soviet power abroad in order to combine efforts in the fight against it, which objectively became a factor of geopolitical tension in the Soviet Republic in general, and in Crimea in particular. In conditions of increasing conflict in Crimea, a system of emergency institutions is being formed. This system included the Crimean Revolutionary Committee and its local bodies, the establishment of the All-Russian Extraordinary Commission, Special Purpose Units, and revolutionary tribunals under the general ideological leadership of party bodies. The author comes to the conclusion that emergency institutions objectively opposed the implementation of projects of Western powers to destabilize the situation in Crimea and contributed to a certain ethnopolitical stabilization of the situation in the region. On the other hand, their activities were characterized by a class approach, which led to thoughtless repressive policies and inevitable “excesses” in their work, aggravated by weak coordination of actions and the lack of strict control at the first stage.

Keywords: inertia of the Civil War, geopolitical tension, centers of power, emergency institutions, national question

For citation: Ishin A.V. Organization and activities of emergency institutions in Crimea in 1921 in conditions of geopolitical tension. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):83–96. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-83-96>

Received 15.01.2024

Revised 23.02.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

События Великой Российской революции повлекли фрагментацию пространства бывшей Российской империи. Этот процесс проявился в распаде государственного пространства на ряд самоуправляемых территорий, которые очень скоро вовлекались в орбиту внешних влияний. Собственно, саму Гражданскую войну, продолжавшуюся, по разным оценкам с 1918 по 1920/1922 годы или же с 1917 по 1923 годы, абсолютно неверно понимать как исключительно классовый феномен. Этот миф долгое время тиражировался на страницах учебников. Значительный пласт опубликованных и архивных источников свидетельствует, что, скорее, это была непримиримая борьба между возникшими на развалинах империи центрами силы, при этом важную роль играл собственно геополитический фактор.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИТУАЦИИ В КРЫМУ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ВРАНГЕЛЕВСКИХ ВОЙСК

После ожесточённых боёв на Перекопе и Чонгаре в ноябре 1920 года «Русская армия» генерала Врангеля отступила в крымские порты. 13 ноября без боя был занят Симферополь, 15 ноября — Севастополь. К 17 ноября был взят весь полуостров.

В ходе Гражданской войны в Крыму дважды — в 1918 году (март — апрель)

и в 1919 году (апрель — июнь) создавались «прифронтовые» советские республики, выполнявшие буферную геополитическую роль — Советская Социалистическая Республика Тавриды (в условиях быстрого продвижения по территории страны германцев и украинских гайдамаков) и Крымская Советская Социалистическая Республика (в условиях противостояния Белым силам Юга России и силам Антанты) [1, с. 95–116].

В отличие от относительно коротких периодов 1918 и 1919 годов, в конце 1920-го года становление коммунистической «партийно-советской» системы проходило уже после завершения широкомасштабных военных действий Гражданской войны, и, соответственно, после ликвидации военных фронтов, обусловленной эвакуацией остатков Белых сил, руководимых П.Н. Врангелем.

В условиях становления большевистской модели Советской власти Крым находился в состоянии глубочайшего экономического кризиса. В ноябре 1920 года продукция промышленности сократилась по сравнению с 1913 годом в 4,6 раза [2, с. 8]. Из 420 промышленных и кустарных предприятий работало лишь 270, и то не в полную силу. По сравнению с довоенным уровнем, производительность труда упала в три раза [3, с. 61]. На транспорте царил

разруха. Грузооборот железных дорог сократился в 10 раз, морских портов — более чем в 16 раз [3, с. 61]. Вследствие полного расстройств финансовой системы большинство денежных знаков стоили дешевле той бумаги, на которой печатались [3, с. 61].

Летом 1921 года в результате засухи в Крыму погибло 42 % посевов, 2/3 крупного рогатого скота, а уцелевшие посевы давали лишь несколько пудов с десятины [3, с. 61]. Вследствие этого уже в августе на полуострове начался голод [4, с. 334], продолжавшийся до лета 1923 года и унесший приблизительно 100 тысяч жизней [4, с. 342], что составляло примерно 15 % населения Крыма на 1921 год. По причине этого бедствия, 60,1 % крестьянских хозяйств остались без скота, приблизительно столько же без сельхозинвентаря, 28,8 % без посева и 29,2 % смогли засеять в 1922 году только по одной десятине [5, с. 12].

Вместе с тем, реализуемая до середины 1921 года новыми властями полуострова военно-коммунистическая политика, массовый террор (в результате которого, по различным оценкам, погибло от 12 до 150 тыс. человек), преследование любого инакомыслия обусловили глубокий политический кризис, повлекли враждебное отношение значительной части крымского населения к большевистской модели Советской власти. Эта враждебность вылилась в повстанческое движение, которое документы партийных, советских и чрезвычайных органов именуют «политическим бандитизмом».

Под «бандами с политической окраской», «зелёными», или «бело-зелёными» подразумевались вооружённые формирования, создаваемые в крымских горах и лесах из избежавших смерти военнотружущих армии Врангеля, махновцев, недовольных политикой власти крестьян, жителей городов. Нередко к этим группам

присоединялись чисто уголовные элементы. Зачастую группы «зелёных» возглавлялись белыми офицерами.

Численный состав их формирований был далеко не постоянным. В определённые моменты он мог как существенно увеличиваться, так и уменьшаться. На вооружении «зелёных» находились пулеметы, винтовки, револьверы, бомбы.

Борьба с повстанческими отрядами продолжалась в Крыму до 1923 года включительно, но особую остроту она приобрела весной, в начале лета и осенью 1921 года [6, с. 395–414].

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

Одна из ключевых тенденций выражалась в стремлении руководства отрядов «зелёных» к установлению тесных связей с антибольшевистским подпольем в городах. Показательной в этом смысле является деятельность «врангелевской организации», действовавшей на побережье Чёрного и Азовского морей. Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что её подпольная сеть охватила не только Крымский полуостров (Симферополь, Севастополь), но и Бердянск, Геническ, Мелитополь. Организация контролировала боевые «вольные отряды». Ею была установлена связь с заграничным штабом Врангеля. По данным Мелитопольской уездной чрезвычайной комиссии, организация готовила восстание с целью захватить Мелитополь (в момент отсутствия там военного гарнизона) и Бердянск, изолировать Крым, а затем и его взять под свой контроль [1, с. 290–291].

Чрезвычайно важное место в истории антибольшевистского подполья в Крыму занимает подпольная организация Михаила Дионисьева (он же белогвардейский полковник Боженко), выявленная органами

Всероссийской чрезвычайной комиссии в 1921 году в Симферополе и Биюк-Онларском районе [7]. Лидер организации Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки.

Особую важность, по нашему мнению, имеет в этом «Наказе» двенадцатый пункт, где отрядам «бело-зелёных» дается указание объединиться под началом некоего П.П.Шишкина, которому предписывается вступить в переговоры с П.Н.Врангелем о переброске войск из-за границы. Показательно стремление группы Дионисьева, как и «врангелевской организации на побережье Чёрного и Азовского морей», заручиться поддержкой белой эмиграции и получить серьёзную военную помощь.

Надежды на поддержку из-за границы имели под собой реальную почву. Военные флотилии недавних официальных союзников Белых сил по Гражданской войне продолжали господствовать на Чёрном море. Ими нередко совершались диверсии против торговых судов Советской России. Так, французские миноносцы в январе 1921 года потопили советское судно «Зейнаб». В те дни другой советский корабль был серьёзно повреждён [8, с. 10].

Наряду с этим, важным обстоятельством является сохранение после эвакуации врангелевской армии как боевой единицы [9, с. 94]. По словам одного из председателей Крымской областной чрезвычайной комиссии Ф.Т. Фомина, белая эмиграция «и по численности, и по масштабу своей деятельности <...> была опасна» [10, с. 123]. Сам генерал Врангель отмечал: «С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России <...> но идея осталась полностью» [9, с. 93].

Следует заметить, что армия находилась в условиях, далёких от нормальных, и с первых же дней после прибытия в Турцию начала постепенно распадаться. Известный политический деятель России В.В. Шульгин, также оказавшийся в эмиграции, так описывает состояние Добровольческой армии: «Вот я еду в Галлиполи <...> Разбитый город <...> Грязь <...> Среди грязи толчется и топчется толпа рыжих английских шинелей, от одного вида которых щемит. Это наша армия <...> Пробиваюсь сквозь неё. Одни бездельничают, другие таскают дрова. Сквозь толпу движется рота сингалезцев (т. е. сенегальских солдат, карауливших лагерь остатков Добровольческой армии — А.И.) <...> Русская масса смотрит на них без злобы. Раздражение, которое чувствуется, направлено против кого-то другого» [11, с. 798]. Вместе с тем, тот же автор тогда же сказал: «Если Белые ещё не победили, их рано или поздно поведут в бой...» [11, с. 808]. Белое командование не оставляло надежды организовать поход на Советскую Россию.

В военных лагерях проводились штабные игры для офицеров и учения. Рядовые разучивали военные уставы. Время от времени устраивались военные парады, а в феврале 1921 года состоялся смотр войск. К этому времени армия генерала Врангеля включала в себя три корпуса: 1-й армейский, Кубанский и Донской — и составляла около 50 тыс. человек [12, с. 13–14]. Как видно из приведённых цифр, командование Добровольческой армии так же, как и внутрироссийские (в том числе крымские) антибольшевистские организации, не могло не быть заинтересовано в установлении тесных взаимных связей, ведь рассчитывать на успех с таким небольшим количеством бойцов было нереально. Важно отметить, что, даже

несмотря на абсолютное оскудение к лету 1922 года казны врангелевской армии и роспуск в связи с этим армейских гарнизонов, П. Н. Врангель заявил о необходимости сохранения последней под видом общественных объединений и союзов.

Офицерские союзы начали создаваться ещё с весны 1921 года и объединили около 10 тыс. офицеров, а позднее, 1 сентября 1924 года, в Белграде под руководством Врангеля был основан монархический Российский общевоинский союз (РОВС), под наблюдением которого находились практически все солдаты и казаки, оказавшиеся в эмиграции [12, с. 15, 27–28, 44]. Белоземigrantские воинские объединения и союзы на длительное время стали фактором, серьёзно влиявшим на развитие контрреволюции в Советской России.

Стремление к установлению тесных контактов с противниками Советской власти за рубежом в целях объединения усилий в борьбе с ней является одной из характерных черт антибольшевистского подполья в Советской Республике в целом, и в Крыму в частности. Так, зимой 1920–1921 годов ряд крымских контрреволюционеров, используя морской путь, передавал за границу ценные для западных разведок сведения, а также получал инструкции, касающиеся дальнейших действий, оружие, боеприпасы. После ликвидации группы врангелевского полковника Нефёдкина, скрывавшейся недалеко от Ялты, была обнаружена схема дислокации частей Красной Армии в Крыму и на Кубани, список ответственных работников и переписка с белогвардейской эмиграцией [13, с. 130–131].

Рассматривая политическую ситуацию в Крыму в 1921 году, нужно учитывать, что на полуострове в это время активно работали эмиссары британской и германской разведок [1; 16], то есть тех сил,

которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространстве Российской империи.

В значительной мере именно представители указанных сил детерминировали политические установки ряда организаций антибольшевистского спектра на «крымско-татарский», «русский» и другие формы этнического национализма [14, с. 33–34].

Не вызывает сомнений, что образование Крымской АССР в составе Советской России осенью 1921 года, а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 года отнюдь не входило в их планы. Поэтому традиционные западные геополитические оппоненты Российского государства максимально пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРЫМА

В условиях катализации геополитической напряжённости в Крыму формируется система чрезвычайных учреждений. В указанную систему входил Крымский революционный комитет и его органы на местах, учреждения Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), Части особого назначения (ЧОН), революционные трибуналы. Общее идеологическое руководство деятельностью чрезвычайных органов должны были осуществлять партийные комитеты во главе с Областкомом — Крымским областным комитетом РКП(б). Его состав был утверждён Центральным Комитетом партии большевиков 15 ноября 1920 года. Президиум Областка состоял из пяти членов,

работу партийной организации возглавлял Секретарь. В Севастополе, Керчи, Симферополе, Ялте, Феодосии, Джанкое, Евпатории были созданы уездные партийные комитеты. Перечисленные учреждения в той или иной степени должны были направлять деятельность всех органов, утверждавших вооружённым путем «диктатуру пролетариата» на Крымском полуострове. Так, структуры Всероссийской чрезвычайной комиссии — главного органа борьбы с контрреволюцией — обязаны были держать Областком в курсе своей работы и строго согласовывать всю деятельность с директивными указаниями ЦК РКП(б).

В «Кратком обзоре работы Крымского областного комитета РКП с 22-го ноября по 13-е декабря 1920 года», подписанном Секретарем Областка Р. Самойловой («Землячкой»), отмечается, что, «исходя из общего политического положения в Крыму, Областком положил в основу своей работы следующее: 1) решительная борьба с остатками контрреволюции, 2) твёрдая линия недопущения меньшевиков и «меньшевиствующих» коммунистов к ответственной работе в Крыму, в виду того разложения, которое вносит меньшевизм в слабо развитые рабочие массы, 3) привлечение рабочих к государственной работе и осторожность по отношению к интеллигенции, сплошь устремившейся в советские учреждения, 4) широкая работа по коммунистическому просвещению масс с приспособлением её к потребностям и условиям жизни нескольких наций, живущих в Крыму, 5) осуществление полного контроля партии над всей советской работой» [1, с. 224].

Как указывают исследователи В.М. Брошеван и А.А. Форманчук, в 1921 году население Крыма составляли представители 59 национальностей (общее

количество 720,5 тыс. человек), «из них русских — 51,5 % (371 017 человек), татар — 25,92 % (186 175 человек), евреев — 6,86 % (49 404 человека), немцев — 5,88 % (42 335 человек) и других» [15, с. 35]. Указанное обстоятельство придавало ключевое значение национальному вопросу во внутренней политике.

Партийные организации Крыма в конце 1920-го и на протяжении большей половины 1921 года проводили свою политику через систему уездных, волостных, сельских ревкомов, на вершине которой находился Крымский революционный комитет (Крымревком). Изначально эта структура возглавлялась бывшим наркомом иностранных и военных дел Венгерской Советской Республики (1919 год) Бела Куном — ярким сторонником политики массового террора (позднее заменённым Лидэ и Поляковым). В исторической науке существуют две различные точки зрения в отношении даты образования Крымревкома: 1) 14 ноября и 2) 16 ноября 1920 года [1, с. 227].

Наряду с организацией восстановления экономики, основными задачами Крымревкома являлись «установление революционного порядка» и «искоренение очагов контрреволюции». Этот орган состоял из Председателя, заместителя Председателя и четырёх членов.

В состав Крымревкома вошли представители Реввоенсовета Южного фронта и члены Областного комитета РКП(б). Приказ №1 Крымревкома от 16 ноября 1920 года гласил: «Впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на территории Крыма принадлежит Крымскому революционному комитету» [1, с. 227].

Одной из важнейших функций ревкомов был полный учёт людских и материальных ресурсов полуострова. В частности,

ревкомы брали на учёт жителей городов и деревень, жилой и земельный фонд, собственность органов самоуправления «Белых» политических режимов, материальные ценности, оружие, лошадей, оставленных на полуострове военнослужащими Белых сил, имения бывших помещиков, частные земельные хозяйства, предприятия, запасы топлива, учебные заведения, библиотеки, читальни и книги.

Ревкомы занимались также регистрацией иностранно-подданных, семей бывших офицеров и служащих учреждений Белых правительств, создавали контрольные комиссии для проверки правильности вступления тех или иных лиц на службу в советские учреждения [1, с. 227–229].

Одним из наиболее значительных направлений в работе ревкомов была национализация банков, предприятий, земельных ресурсов. Во время реализации этой, далеко не всегда продуманной политики, нередко страдали представители не только менее зажиточных слоёв населения, но и беднота, что объективно провоцировало широкое социальное недовольство.

В марте 1921 года на Первой Симферопольской уездной конференции РКП(б) выступил заведующий отделом Крымского революционного комитета по делам национальностей М. Султан-Галиев с докладом «Очередные задачи партии в национальном вопросе». В числе этих задач, в частности, упоминалось «организованное массовое вовлечение широких пролетарских слоев трудящегося коренного населения автономных областей и окраин Советской России в хозяйственное строительство путём массового вовлечения их через профсоюзы в хозяйственно-экономические органы» [15, с. 34]. По сути, уже в этом тезисе очевиден пролог к политике «коренизации», официальным началом которой принято считать XII съезд РКП(б),

состоявшийся в 1923 году, хотя де-факто в Крыму эта политика ощутимо проводилась уже в 1921 году.

Работа среди «нацменьшинств» была для партийно-советских органов в Крыму одной из приоритетных. Уже с конца ноября 1920 года Областком и уездные партийные комитеты повели активную работу по созданию в своих структурах национальных секций. В частности, при Областкоме образуются Мусульманская (с 8 января 1921 г. Татарская), Немецкая, Еврейская, Армянская секции. Структура секций предполагала наличие бюро, ряда отделов, пункта юридической помощи [15, с. 45]. Для координации работы национальных секций в ноябре 1920 года при отделе агитации и пропаганды Областкома был образован подотдел национальных меньшинств, который возглавил присланный из Москвы инструктор подотдела нацменьшинств при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) О.И. Пальги [15, с. 41].

Национальные секции (а их перечень на уровне уездных партийных комитетов был ещё шире) сыграли важную роль в издании и распространении печатных средств массовой информации на языках национальных групп полуострова, в ликвидации неграмотности, в подготовке национальных кадров. Вместе с тем, на потенциальную ограниченность и даже двойственность указанной политики указывала ещё одна партийная задача, озвученная М. Султан-Галиевым: «Углубление классовой дифференциации и классового расслоения среди городского населения и крестьянства нацменьшинств окраин» [15, с. 35].

18 октября 1921 года главы Совнаркома РСФСР В.И. Ленин и ВЦИК РСФСР М.И. Калинин подписали Постановление об образовании Крымской Автономной Социалистической Советской Республики. В указанном документе, в частности,

отмечалось: «Образовать Автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского <...> Аппарат государственной власти Автономной Крымской Социал. Советской Республики складывается согласно Конституции РСФСР из местных Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Кр. ССР <...> Для ведения борьбы с контрреволюцией создается при СНК Кр. ССР Крымчека, починенная непосредственно ВЧК, причём её коллегия формируется Крымским Совнаркомом и утверждается ВЧК <...>» [2, с. 254–256].

В своём становлении на территории Крыма система органов Всероссийской чрезвычайной комиссии прошла длительную и сложную эволюцию. С конца 1920 года функции борьбы с «контрреволюционным подпольем» осуществляли особые отделы 6-й, 4-й армий, Чёрного и Азовского морей [13, с. 130]. Отметим, что именно особые отделы являлись главными проводниками политики массового террора на полуострове. Их деятельность характеризуется высокой степенью бесконтрольности.

Говоря о совокупности особых отделов, необходимо упомянуть об «Особом отделе Крыма» (Особый отдел Крымского революционного комитета). Планировалось, что именно Особый отдел Крыма будет центральным органом при реализации репрессивной политики в Крымском регионе после окончания Гражданской войны. На самом деле, этот орган не являлся вновь образованной структурой, его функции исполнялись армейскими особыми отделами.

Наряду с особыми отделами в Крыму существовали различные Трансчека, Морчека. Каждое из этих учреждений опиралось на приказы своих центров, что неизбежно приводило к трениям между указанными органами, а обособленность от местной власти влекла крупные «перегибы» в работе. Несомненно, что сложившаяся система разрозненных органов ВЧК в Крыму не могла способствовать успешной борьбе с многочисленными проявлениями протестных настроений населения (в условиях кризиса политики военного коммунизма) [6], и уже в конце 1920 года стала очевидна необходимость создания единого руководящего и координирующего учреждения на территории Крыма. С этой целью 9 декабря 1920 года на полуострове создаётся региональный орган ВЧК — Крымская чрезвычайная комиссия (Крымчека) [16, с. 6].

Первым председателем был назначен Каминский, направленный в Крым из Москвы (всего в рассматриваемый нами период на посту председателя Крымской ЧК побывали, сменяя друг друга, шесть руководителей — Каминский, Реденс, Вихман, Смирнов, Фомин, Ротенберг). 21 декабря 1920 года Областным комитетом РКП(б) была утверждена коллегия Крымчека в следующем составе: председатель — Каминский, заведующий секретно-оперативным отделом — Полканов, секретарь — Протопопов, заведующий административным отделом — Погребной и представитель Революционного трибунала — Курган.

Так как первая попытка по созданию Крымской ЧК была не вполне удачной, — центром был послан новый организатор — полномочный представитель ВЧК на территории Крыма С. Реденс, который прибыл на полуостров 19 января 1921 года. Им были образованы в Симферополе,

Севастополе и Керчи самостоятельные городские ЧК с правом вынесения смертных приговоров с подчинением непосредственно полномочному представителю ВЧК, а в Феодосийском, Евпаторийском, Ялтинском уездах — политбюро с правами исключительно ведения следствия. В ряд районов были направлены уполномоченные. Несмотря на одинаковое значение городских ЧК полномочный представитель ВЧК проводил свою работу через аппарат Симферопольской городской ЧК (СГЧК).

18 апреля 1921 года на заседании СГЧК было постановлено ликвидировать в Крыму особые отделы 4-й армии и Чёрного и Азовского морей и реорганизовать СГЧК в Крымскую областную ЧК (КОЧК) с непосредственным подчинением ВЧК, при ней создать Особый отдел. На местах были образованы с правами самостоятельного вынесения смертных приговоров Севастопольская и Керченская ЧК, а в Евпаторийском, Ялтинском, Феодосийском, Джанкойском уездах — уездные ЧК (УЧК) с уменьшенным штатом сотрудников и правом вынесения приговоров, связанных с лишением свободы на срок до двух лет и смертных приговоров с обязательным утверждением их в КОЧК.

В начале сентября 1921 года в Симферополе была созвана конференция председателей ЧК и начальников пограничных особых отделов, на которой было постановлено влить последние в местные ЧК на правах отделений секретно-оперативных отделов. Таким образом, в Крыму завершилось становление единой системы органов ЧК. После образования Крымской АССР (18 октября 1921 года) Крымская областная чрезвычайная комиссия стала именоваться Крымской чрезвычайной комиссией (КЧК) [1, с. 306–308].

В первые месяцы после установления Советской власти на полуострове (ноябрь 1920 года — март 1921 года) очень активно использовались и даже доминировали такие «методы», как массовое истребление потенциальных «классовых врагов» (жертвы исчислялись десятками тысяч человек, серьёзно пострадали все основные национальные группы региона), повальные обыски, аресты, облавы: тюрьмы наполнялись подозреваемыми.

8 января 1921 года был издан «Приказ ВЧК о карательной политике органов ЧК». В нем, в частности, говорилось: «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров или лиц правозероковского, махновского или тому подобного толка, нужно держать на учёте, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план, — наполнять же <...> тюрьмы арестованными по подозрению — нельзя» [17, с. 417–418].

После выхода данного приказа всё шире стали применяться такие приёмы работы, как осведомление, взятие на учёт и проверка подозрительных лиц. Можно констатировать, что вышеуказанный приказ ВЧК дал определённый толчок к укреплению законности в деятельности ЧК в Крыму. Так, если первоначально судебные функции осуществлялись коллегией (тройкой ЧК) в составе председателя, секретаря и начальника секретно-оперативного отдела, то затем в коллегию вводились представители Областного комитета РКП(б), Ревкома и юридического отдела исполкома.

В начале 1922 года Крымская ЧК была реорганизована в Крымское политическое управление (КПУ) при ЦИК Крымской АССР.

Во многом чрезвычайный характер носила деятельность и Частей

особого назначения (ЧОН), действовавших в Крыму в 1921–1924 годах. Анализ источников и историографии свидетельствует, что функции ЧОН, сформированных в Крыму 17 июня 1921 года, заключались в вооружённом пресечении действий многочисленных отрядов антибольшевистской направленности, осуществлении разведки, караульной службе на важных объектах и, кроме того, содействию продовольственным органам [14, с. 31].

Структуры ЧОН в Крыму прошли долгий путь развития и трансформаций — от Коммунистического полка особого назначения до Частей особого назначения Крымской АССР, которые включали в свой состав пять отдельных батальонов, четыре роты и артиллерийскую батарею [14, с. 32].

Анализ принципов боевого использования ЧОН свидетельствует, что привлекать их к боевым действиям можно было только с разрешения соответствующего партийного органа. При этом силы ЧОН применялись лишь при решении наиболее сложных и серьёзных задач по защите «революционного порядка» [18, с. 24].

В системе военно-революционных органов Крыма ЧОН тесно взаимодействовали с органами ВЧК, подразделениями Красной Армии и милиции. Деятельность этих структур в 1921 году координировалась Совещанием по борьбе с бандитизмом, а в 1922 году — Чрезвычайной тройкой по борьбе с бандитизмом, действовавших под общим руководством Областного комитета РКП(б) [1, с. 230–232].

С момента занятия Крымского полуострова Красной Армией при её частях начали действовать революционные трибуналы. В соответствии с «Основным положением о революционных трибуналах», они учреждались «в целях объединения деятельности органов по борьбе с преступными деяниями, направленными против

рабоче-крестьянской власти и устанавливаемых революцией порядков» [19].

29 марта 1921 года вышел приказ Крымского революционного комитета об организации Крымского областного революционного трибунала [20, с. 49]. В его состав вошли Порецкий (председатель), Африканец и Бирзгал [21]. 1 августа 1921 года перечисленные ревтрибуналы были заменены Единым революционным трибуналом Крыма (ЕРТК) в составе четырёх судебных отделений: военного, основного, налогового и выездного [1, с. 345].

Ведению ЕРТК подлежали дела «о контрреволюционных деяниях, о крупной спекуляции, о крупных должностных преступлениях и взяточничестве, о явном дискредитировании власти советскими работниками, дела о злостных дезертирах и укрывателях дезертиров и др.» [19]. Трибунал был также вправе принимать к своему производству и другие дела, если усмотрит в них признаки опасности для государства или существующих в нём порядков. Кассационной инстанцией для ЕРТК являлся Верховный трибунал РСФСР [19]. 24 февраля 1922 года взамен ЕРТК был образован Верховный трибунал при Крым ЦИКе с кассационными и надзорными функциями.

В отчёте Народного комиссариата юстиции Крымской АССР отмечалось, что «условия работы этих трибуналов были весьма плачевны ввиду почти полного отсутствия средств и малой опытности личного состава. Это положение усугублялось голодом и сильно возросшей, ввиду этого, преступности. Тем не менее, работа их протекала весьма интенсивно» [1, с. 346]. При этом нужно добавить, что «вплоть до сентября 1921 года в Крыму не имелось совершенно законодательного материала» [1, с. 346].

Учитывая то обстоятельство, что законодательство Российской империи, по понятным

причинам, в то время уже не действовало, а Уголовный кодекс РСФСР был принят только в 1922 году, ключевыми факторами, определявшими судьбы обвиняемых, выступали «классовый подход» и «революционное правосознание». Это, в свою очередь, объективно придавало деятельности чрезвычайных институций репрессивный характер [22], который, впрочем, мог смягчаться (как отмечалось выше) внутренними директивными предписаниями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность чрезвычайных учреждений Крыма в 1921 году носила, во многом, неоднозначный характер. С одной стороны, такие структуры были необходимы и объективно противодействовали реализации проектов западных держав по дестабилизации ситуации в Крыму и пролонгации

ситуации гражданского противостояния, отрыва Крымского полуострова от большой России, способствовали известной этнополитической стабилизации обстановки в регионе. С другой, их деятельности был присущ классовый подход, что приводило к необдуманной репрессивной политике и неизбежным «перегибам» в работе, усугублявшимся слабой координацией действий и отсутствием жёсткого контроля на первом этапе.

Вместе с тем, опыт функционирования системы чрезвычайных учреждений в Крыму в 1921 году должен быть всесторонне учтён в настоящее время, когда коллективный Запад вновь пытается нагнетать напряжённость в Черноморском бассейне, пытаясь «взять реванш» за крупное геополитическое поражение периода Крымской весны 2014 года [23].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ»; 2012. 384 с.
2. Крымская АССР (1921–1945). Вопросы-ответы / Сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь: Таврия. 1990; Вып.3. 320 с.
3. Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. — октябрь 1921 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10–18 ноября 1995: Материалы. Симферополь: Крымский Архив; 1995. С. 60–62.
4. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия; 1997. 352 с.
5. Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920–1940 гг.): особенности, трудности, просчеты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Днепропетровск, 1992. 20 с.
6. Ишин А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности. *Научный диалог*. 2022;11(3):395–414. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414).
7. Красный Крым. 1927. 18 декабря. Приложение.
8. Очерки по истории Крыма. Часть III: Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.) / Под общ. ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крым. 1964. 222 с.
9. Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый юг. Ноябрь 1919 — ноябрь 1920. Москва: «АИРО-XX»; 1997. 104 с.
10. Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. Москва: Госполитиздат, 1962. 205 с.
11. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. Москва: Новости; 1990. 832 с.

12. Соничева Н. Е. На чужом берегу (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). Москва: Знание; 1991. 64 с.
13. Петров В. Л. Борьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. *Український історичний журнал*. 1970;11:128–132.
14. Ишин А. В. Части особого назначения Крымской АССР (1921–1924 гг.). *Общество: философия, история, культура*. 2021;10:30–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.4>.
15. Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь: Таврия; 1992. 127 с.
16. Видоменко В. А. Всегда на посту. Орлов Г. С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. Симферополь: Таврия; 1987. С. 3–20.
17. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сборник документов / Под ред. Г. А. Белова, А. Н. Куренкова, А. И. Логиновой и др. Москва: Изд-во политической литературы; 1958. 512 с.
18. Кукель Э. М. Части особого назначения (ЧОН) Украины в борьбе с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1920–1924 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Днепропетровск, 1975. 27 с.
19. Красный Крым. 1921. 25 ноября.
20. Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Л. Д. Солодовник. Симферополь: Крым. 1968. 244 с.
21. Красный Крым. 1921. 10 апреля.
22. Филимонов С. Б. Тайны судебно-следственных дел. Симферополь: Таврия-Плюс; 2000. 128 с.
23. Ишин А. В. О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд. *Проблемы постсоветского пространства*. 2016;7(1):38–46.

REFERENCES

1. Ishin A.V. Problems of state building in Crimea in 1917–1922. Simferopol: IT “ARIAL”; 2012. 384 p. (In Russ).
2. Crimean ASSR (1921–1945). Questions and answers / Comp. Yu. I. Gorbunov. Simferopol: Tavria; 1990. Issue 3. 320 p. (In Russ).
3. Kolontaev K.V. Creation and activities of state authorities in Crimea (November 1920 — October 1921) // Revolution and Civil War of 1917–1920: a new understanding. Crimea. Yalta. November 10–18, 1995: Materials. Simferopol: Crimean Archive; 1995. P. 60–62. (In Russ).
4. Zarubin A.G., Zarubin V.G. No winners. From the history of the civil war in Crimea. Simferopol: Tavria; 1997. 352 p. (In Russ).
5. Mona J.N. Development of agriculture in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1920–1940): features, difficulties, miscalculations. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Dnepropetrovsk. 1992. 20 p.
6. Ishin A.V. Insurrectionary movement of “white-greens” in Crimea in first half of 1920s: national, ideological, structural features. *Nauchnyi dialog*. 2022;11(3):395–414. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414). (In Russ.).
7. Krasnyy Krym. 1927. December 18. Application. (In Russ.).
8. Essays on the history of Crimea. Part III: Crimea during the period of socialist construction (1921–1941) / Under the general editorship of I.S. Chirva–Simferopol: Crimea; 1964. 222 p. (In Russ.).
9. Ushakov A.I., Fedyuk V.P. White South. November 1919 — November 1920. Moscow: “AIRO-XX”; 1997. 104 p. (In Russ.).
10. Fomin F.T. Notes of an old security officer. Moscow: Gospolitizdat; 1962. 205 p. (In Russ.).
11. Shulgin V.V. Years. Days. 1920 Moscow: News; 1990. 832 p. (In Russ.).

12. Sonicheva N.E. On a foreign shore (On the history of Russian emigration in the post-October period). Moscow: Knowledge; 1991. 64 p. (In Russ.).
13. Petrov V.L. The Struggle for the Strengthening of Soviet Power in the Crimea in 1920–1921. *Ukrayins'kyi istorychnyy zhurnal*. 1970;11:128–132. (In Ukr.).
14. Ishin A.V. Special purpose units of the Crimean ASSR (1921–1924). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2021;10:30–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.4>. (In Russ.).
15. Broshevan V.M., Formanchuk A.A. Crimean Republic: the year 1921: A brief historical sketch. Simferopol: Tavria; 1992. 127 p. (In Russ.).
16. Vidomenko V.A. Always on duty // Orlov G.S. *Anxious everyday life: Essays on security officers*. Simferopol: Tavria; 1987. P. 3–20. (In Russ.).
17. From the history of the All-Russian Extraordinary Commission. 1917–1921: Collection of documents / Edited by G.A. Belov, A.N. Kurenkov, A.I. Loginova and others. Moscow: Publishing House of Political Literature; 1958. 512 p. (In Russ.).
18. Kukel E.M. Special purpose units (CHON) of Ukraine in the fight against the armed kulak counter-revolution (1920–1924). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Dnepropetrovsk, 1975. 27 p. (In Russ.).
19. Krasnyy Krym. 1921. November 25. (In Russ.).
20. Revolutionary Committees of Crimea: Collection of documents and materials / Executive editor L.D. Solodovnik. Simferopol: Crimea; 1968. 244 p. (In Russ.).
21. Krasnyy Krym. 1921. April 10. (In Russ.).
22. Filimonov S.B. *Secrets of judicial investigation cases*. Simferopol: Tavria-Plus; 2000. 128 p. (In Russ.).
23. Ishin A.V. On the geopolitical situation in the Black Sea region: the Crimean view. *Post-Soviet Issues*. 2016;7(1):38–46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин, Доктор исторических наук, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4; a.ischin@yandex.ru

Andrey V. Ishin, Doctor of Historical Sciences, Institute “Tavrisheskaya academy”, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia; a.ischin@yandex.ru

